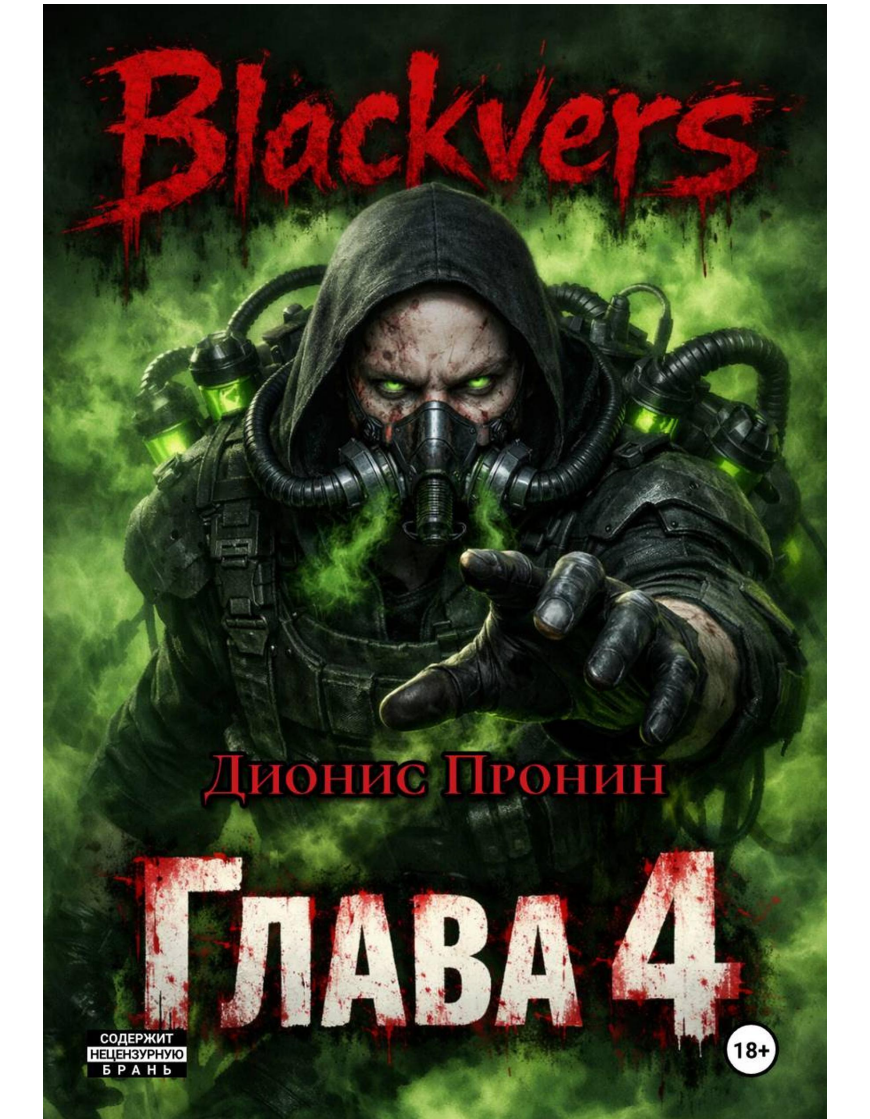

Blackvers

Дионис Пронин

ГЛАВА 4

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дионис Пронин

Blackvers. Глава 4

<https://litres.ru/73877084>

SelfPub; 2026

Аннотация

Судьба сплела из нитей боли и безумия историю некоторых людей, чьи жизни – кровавое полотно, вышитое жестокостью и трагедией. Они – монстры, порождения тьмы, жертвы собственных искалеченных душ. Их истории, переплетённые судьбой, словно чёрные нити в узорчатом гобелене, рассказывают о том, как предательство, насилие и безумие могут сломать человека и превратить его в существо, способное на ужасные поступки.

Дионис Пронин

Blackvers. Глава 4

«Вдохните мою кровь»

Часть первая

«Свет сквозь токсичный мрак»

Спустя девять месяцев заточения в сыром, тёмном подвале Кристина едва могла вспомнить, каково это — видеть солнце. Время здесь текло иначе: не по часам и дням, а по ритму капель, стучащих по бетонному полу, по шорохам крыс в углах, по собственным прерывистым вдохам. Её мир сузился до четырёх стен, ржавой трубы, к которой она была прикована цепью, и скудного запаса еды, оставленного Блэком. Сначала были консервы — несколько банок тушёнки, гороха, сгущёнки. Она растягивала их, отмеряя каждый кусочек, как драгоценность. Потом — сухари, зачерствевшие до каменной твёрдости, которые приходилось размачивать в капающей из трубы воде. Когда и они закончились, пришёл страх. Настоящий, ледяной, проникающий в кости. Но голод оказался сильнее.

Крысы появились не сразу. Сначала она слышала их — шуршание, писк, быстрые перебежки в темноте. Потом увидела: блестящие глаза, длинные хвосты, шевелящиеся усы. Сначала отталкивала их криками, стуком цепи, но они не боялись. А потом... потом она научилась ловить их голыми руками. Это было противно до рвоты, до дрожи в пальцах, до слёз, застилавших глаза. Но она делала это. Разрывала зуба-

ми, глотала почти не жуя, запивая ржавой водой из лужицы под трубой. Мыши были легче — их можно было поймать быстрее, но и сытости от них было меньше. Каждый раз после такой трапезы она плакала, уткнувшись лицом в колени, но наутро голод снова гнал её на охоту.

Цепь на запястье давно вросла в кожу, оставив глубокий, воспалённый след. Кристина дёргала её каждый день — сначала яростно, потом устало, потом почти машинально. Она пробовала расшатать трубу, царапала металл ногтями, пыталась найти слабое место. Ничего. Только кровь на пальцах и ещё больше боли в запястьях.

А ещё был живот. Он рос. Медленно, но неумолимо. Кристина боялась, потом приняла как ещё одну пытку. Каждый день она ощущала, как внутри шевелится жизнь — чужая, незнакомая, но уже своя. Она разговаривала с ней шёпотом, рассказывала сказки, которые помнила с детства, пела песни. Иногда ей казалось, что ребёнок отвечает — лёгким толчком, едва заметным движением. Это было единственное тепло в её ледяном мире.

Когда начались схватки, она сначала не поняла. Боль пришла волнами — сначала слабые, потом всё сильнее, всё безжалостнее. Она свернулась на полу, прижимая руки к животу, и застонала. В темноте подвала её крик звучал глухо, словно поглощённый стенами.

— Нет... только не здесь... — шептала она, но тело уже не слушалось.

Она знала, что нужно делать. Где-то в глубине памяти остались обрывки уроков биологии, смутные воспоминания о том, как рождаются дети. Но здесь не было ни врача, ни воды, ни даже чистой ткани. Только её собственные руки и тьма. Кристина стянула с себя остатки одежды — когда-то это было платье, теперь лишь рваные лоскуты. Она села, прислонившись к холодной трубе, и начала тужиться. Боль была такой, что перед глазами вспыхивали искры. Она кусала губы, чтобы не кричать, но стоны всё равно вырывались из горла — тихие, отчаянные. Первый ребёнок вышел долго. Каждую минуту Кристина думала, что вот-вот потеряет сознание, но страх не давал ей отключиться. Наконец, после очередного мощного толчка, она почувствовала, как что-то скользкое и тёплое оказалось у неё в руках. Она подняла его, всматриваясь в полумраке. Мальчик. Маленький, сморщенный, но живой. Он задышал, слабо пискнув, и Кристина заплакала.

— Ты здесь... ты жив... — она прижала его к груди, чувствуя, как её собственное сердце бьётся в такт с его крошечным тельцем.

Но радость была недолгой. Боль вернулась. Ещё сильнее. Ещё беспощаднее. Кристина вскрикнула, понимая, что это не конец.

— Нет! — она хотела оттолкнуть эту новую волну мучений, но тело не слушалось. — Пожалуйста, хватит...

Схватки продолжались. Она снова начала тужиться, уже

не чувствуя рук, не чувствуя ног. Только этот огонь внутри, разрывающий её на части. И снова — толчок, скольжение, и вот... ещё один. Девочка. Такая же крошечная, такая же живая.

Кристина упала на бок, тяжело дыша. Её трясло от холода, боли и невероятного, оглушающего облегчения. Она разорвала остатки платья на куски и завернула в них детей. Они пищали, шевелились, и она прижимала их к себе, согревая своим телом.

— Всё хорошо... всё хорошо... — шептала она, глядя их крошечные ладошки. — Вы живы. Вы со мной.

Слезы катились по её лицу, оставляя мокрые дорожки на грязной коже. Она молилась — не словами, а всем своим существом. Молилась, чтобы это закончилось. Чтобы кто-то пришёл. Чтобы они выжили.

В подвале было тихо. Только капли воды, дыхание детей и её прерывистые всхлипы. Кристина закрыла глаза, прижимая к себе двух маленьких жизней, которые стали её единственным смыслом в этом аду.

— Я не дам вам умереть, — прошептала она. — Я выберусь отсюда. Мы выберемся.

И в этот момент, несмотря на боль, страх и тьму, она почувствовала: что-то изменилось. Не только в подвале. В ней самой. Теперь она была не просто пленницей. Она была матерью.

Но когда Кристина уже начала терять надежду, когда тьма

подвала, казалось, окончательно поглотила её сознание, раздался скрежет — резкий, режущий слух звук ржавых петель. Дверь в дальнем конце помещения медленно отворилась, впуская тонкую полоску тусклого света. Кристина инстинктивно прижала детей к груди, сжавшись в комок у трубы. Её сердце колотилось так бешено, что, казалось, вот-вот разорвёт грудную клетку. В проёме возник силуэт — высокий, худощавый, закутанный в тёмную куртку с капюшоном. Лицо скрывал объёмный шарф, натянутый до глаз, а поверх него — тёмные очки, отражающие скудный свет. В руках он держал массивный баул, от которого доносился приглушённый металлический лязг. Незнакомец шагнул внутрь, и дверь за ним с грохотом захлопнулась, вновь погружая пространство в полумрак. Он двигался медленно, почти бесшумно, словно скользил по бетонному полу. Каждый его шаг отзывался в сознании Кристины острым приступом паники. Она вжалась спиной в трубу, чувствуя, как холодные звенья цепи впиваются в кожу. Дети тихо пищали, не понимая, что происходит, но ощущая напряжение матери. Незнакомец спустился по ступеням, его ботинки глухо стучали по бетону. Он остановился в нескольких шагах от Кристины, опустил баул на пол и замер, словно изучая её. Она пыталась разглядеть его лицо сквозь шарф и очки, но видела лишь бледный овал кожи да странные, зеленоватые отблески в стёклах. Медленно, будто боясь спугнуть, он присел на корточки напротив неё. Затем, не говоря ни слова, поднял руку и

снял очки. Кристина невольно вздрогнула: его глаза оказались... необычными. Радужки светились приглушённым зелёным светом, словно пропитанные токсинами. Кожа вокруг глаз была испещрена бледными рубцами, будто следы химических ожогов. Взгляд его, несмотря на странность, не был жестоким — в нём читалось что-то ещё, что-то, напоминающее сочувствие. Он протянул руку — ладонь скрывалась в чёрной перчатке — и осторожно коснулся её лица. Кристина замерла, боясь пошевелиться. Его прикосновение было холодным, но не грубым. Он провёл пальцами по её щеке, словно проверяя, реальна ли она, затем опустил взгляд на цепь, сковывающую её запястье. Внезапно он резко поднялся, метнулся к баулу и начал что-то искать внутри. Кристина слышала, как звякают инструменты, как шуршит ткань. Она прижала детей ещё крепче, её дыхание стало прерывистым. В голове билась одна мысль:

— «Он убьёт меня. Сейчас он убьёт нас всех».

Когда он выпрямился, в его руках был лом. Кристина зажмурилась, ожидая удара. Но вместо этого он опустился перед ней на колени, приложил остриё лома к звену цепи и с силой ударил по нему. Металл закрипел, затрещал, но выдержал. Незнакомец повторил попытку — на этот раз цепь разорвалась с резким звоном. Кристина не верила своим глазам. Она подняла руку, глядя на освобождённое запястье, на воспалённую кожу, покрытую коркой засохшей крови. Незнакомец протянул ей ладонь — широкую, сильную, всё ещё в

перчатке. Она колебалась секунду, затем схватила за неё. Его хватка была твёрдой, но не причиняла боли. Он помог ей встать, поддерживая за локоть. Не говоря ни слова, он развернулся и направился к одной из стен подвала. Кристина, шатаясь, последовала за ним, прижимая к себе детей. Он остановился у неприметной панели, замаскированной под кладку. Надавил на неё с силой, и стена со скрипом отъехала в сторону, открывая узкий проход, из которого тянуло сыростью и запахом канализации. Он обернулся к Кристине, кивнул на проход и махнул рукой, призывая идти. Его глаза снова встретились с её взглядом, и на мгновение ей показалось, что он хочет что-то сказать. Но он лишь молча шагнул в темноту, ожидая, пока она последует за ним. Кристина колебалась. Её разум кричал:

— «Это ловушка! Он ведёт тебя в ещё большую тьму!».

Но тело, истощённое месяцами заточения, уже не могло сопротивляться. Она сделала шаг вперёд, затем ещё один. Дети тихо всхлипнули, и она прижала их ближе, словно пытаясь защитить от всего мира. Когда она пересекла порог прохода, незнакомец закрыл за ними панель. Они оказались в узком, сыром туннеле, где воздух был густым от запаха плесени и стоячей воды. Он достал из кармана фонарик, включил его, и луч света выхватил из тьмы неровные кирпичи стен и лужи на полу.

— Идём, — наконец произнёс он, и его голос оказался низким, слегка хриплым, но удивительно спокойным.

Он двинулся вперёд, освещая путь, а Кристина последовала за ним, едва переставляя ноги. Каждый шаг давался с трудом, но она знала: это её единственный шанс. Шанс выжить. Шанс дать своим детям жизнь за пределами этого ада. Кристина едва переводила дыхание, стараясь не отставать от стремительно шагнувшего впереди незнакомца. Его силуэт в тусклом свете фонарика то появлялся, то растворялся в сырой мгле канализационного туннеля. Каждый шаг отдавался глухим эхом, смешиваясь с мерным журчанием воды под ногами и далёким шорохом крыс в боковых ответвлениях. Дети тихо поскуливали у неё на руках — их крошечные тельца дрожали от холода и страха, но она изо всех сил прижимала их к груди, словно пытаясь согреть одной лишь силой своей воли. Наконец туннель расширился, и перед ними возникла вертикальная лестница, уходящая вверх к круглому люку. Незнакомец без колебаний спрыгнул в воду — мутная жижа поднялась почти до колен, — и обернулся к Кристине. Его лицо по-прежнему скрывал шарф, но глаза в отблесках света казались ещё ярче, будто два зелёных огонька в кромешной тьме.

— Держитесь крепче, — произнёс он, протягивая руки. — Я помогу вам спуститься.

Кристина заколебалась. Её пальцы судорожно вцепились в края разорванного платья, в котором были завёрнуты дети.

— «А если это ловушка? Если он просто заманивает меня глубже?» — билась в голове паническая мысль.

Но другого выхода не было. Она медленно наклонилась вперёд, доверяясь его крепким рукам. Он принял её аккуратно, почти бережно, поддерживая за талию, пока она не коснулась ледяной воды. Кристина вздрогнула от резкого холода, но незнакомец уже направлял её вперёд, указывая путь вдоль узкого бетонного выступа.

— Идёмте. Здесь недалеко.

Они двигались ещё минут десять, пока впереди не показался тусклый свет — не естественный, а искусственный, исходящий из-за массивной металлической двери. Незнакомец остановился, достал из кармана ключ-карту, приложил её к считывающему устройству. Раздался щелчок, и дверь медленно отъехала в сторону. За ней оказалось помещение, больше похожее на подпольную лабораторию. Стены были увешаны мониторами, отображающими улицы города, камеры слежения, схемы канализационных систем и вентиляционных шахт. В углу стоял стол с медицинскими инструментами, рядом — шкаф с пробирками и колбами, на полках — стопки бумаг с пометками и чертежами. Воздух здесь был суше, хотя всё ещё пропитан запахом сырости и химикатов. Незнакомец жестом пригласил её войти.

— Садитесь, — сказал он, указывая на стул у стола. — Вам нужно отдохнуть.

Кристина осторожно опустилась на сиденье, всё ещё не выпуская детей из рук. Она чувствовала, как дрожат её ноги, как пульсирует боль в запястьях, освобождённых от цепей

всего час назад. Незнакомец подошёл к столу, взял хирургические ножницы и повернулся к ней. Её сердце снова сжалось. Она инстинктивно прижала двойняшек ближе, глядя на него с нескрываемым страхом.

— Не бойтесь, — тихо произнёс он. — Я только отрежу пуповины. Они всё ещё прикреплены. Это небезопасно.

Она колебалась. Его голос звучал ровно, почти успокаивающе, но как можно было доверять человеку, лицо которого она даже не видела? Но дети... они нуждались в помощи. Их крошечные тела были покрыты остатками родовой слизи, а пуповины всё ещё тянулись от их животиков, напоминая о мучительном рождении в этом аду.

— Пожалуйста... — прошептала она, наконец разжимая пальцы.

Он действовал быстро, но аккуратно. Ножницы скользнули по тонким пупочным канатикам, затем он обработал места срезов антисептиком из маленького флакона. Его движения были уверенными, точными — так, как это делают врачи.

— Вы... врач? — хрипло спросила Кристина, наблюдая за его работой.

Он замер на мгновение, затем медленно поднял взгляд.

— Раньше был. Теперь — учёный.

— Учёный? В какой области? — она попыталась разглядеть его лицо за шарфом, но он отвернулся, убирая инструменты.

Тогда он медленно снял шарф. Перед ней предстал человек с абсолютно бледной кожей, покрытой сетью тонких шрамов, словно следы химических ожогов. На голове не было ни единого волоска, а глаза — те самые зелёные, светящиеся глаза — теперь казались почти обычными, лишь с лёгким токсичным отблеском. Он не стал объяснять. Просто выбросил остатки пуповин в мусорное ведро, затем направился к двери.

— Я вернусь не скоро, — бросил он через плечо. — Постарайтесь отдохнуть.

И дверь захлопнулась. Кристина осталась одна. Она опустила детей на стол, осторожно укрыв их кусками своей одежды, затем бросилась к двери. Дёрнула ручку, била кулаками, но та не поддавалась. Паника нарастала, сдавливая горло. Тогда она обернулась к мониторам. На одном из экранов она увидела больницу. В палате, залитой холодным светом, стоял Марк — её любимый. Он кричал на полицейского, лицо его исказилось от гнева:

— Да допросите уже этого её бывшего! Он псих! Вы девять месяцев не можете её найти! Она мать наших детей! Если она ещё жива... если она родила...

Кристина зажала рот рукой, чтобы не вскрикнуть. На другом мониторе — сцена в ресторане. В зал медленно втекал зелёный дым, густой, словно туман. Из него вышел человек в лёгком бронированном экзоскостюме. Его движения были плавными, почти грациозными. Он поднял руку в перчатке,

и из неё вырвался поток того же зелёного газа. Люди начали задыхаться, падать, их кожа покрывалась пузырями, которые лопались с тихим шипением.

Человек в экзокостюме носил респиратор, соединённый трубками с костюмом. Из маски вырывались тонкие струйки зелёного дыма. На броне виднелись капсулы с той же светящейся жидкостью. Но самое страшное — его глаза. Они горели тем же зелёным светом, что и у незнакомца, оставившего её здесь.

— «Так это он...» — пронеслось в голове Кристины.

Всё встало на свои места. Незнакомец — тот самый учёный, связанный с этим газом. Паника накрыла её с новой силой. Она бросилась к двери, начала бить в неё ногами, кричать, но никто не отзывался. Тогда она развернулась к мониторам, пытаясь найти хоть какой-то выход. На третьем экране она увидела карту города с отметками — красными точками, обозначающими места, где уже был применён газ. Четвёртая точка мигала, намекая на готовящуюся атаку. Кристина замерла. Если она хочет спасти своих детей, ей нужно бежать.

В напряжённой тишине подвала каждый звук отдавался в сознании Кристины с пугающей чёткостью. Когда у двери раздался едва уловимый шорох — будто кто-то осторожно проворачивал замок, — её сердце замерло. Не раздумывая, она прижала к груди спящих детей и скользнула в тень за массивной дверью, стараясь не издать ни звука.

— «Только бы не проснулись... только бы не закричали...» — мысленно молила она, чувствуя, как дрожат руки.

Дверь медленно отворилась с тихим скрипом. В проём шагнула фигура — девушка с поразительно яркими красно-алыми волосами, контрастирующими с фарфоровой белизной кожи. На ней был объёмный пуховик того же огненного оттенка, а под ним — заметно округлившийся живот. Она двигалась осторожно, будто прислушиваясь к каждому шороху, и медленно оглядывала помещение. Кристина затаила дыхание. Когда незнакомка повернулась, свет мониторов упал на её лицо — и Кристина едва сдержала вскрик. Это была Анна. Её сестра. Её красно-алые тени, которые подчёркивали глаза, губы и брови были окрашены в тот же насыщенный оттенок, а радужки глаз светились непривычным жёлтым светом. В её движениях чувствовалась странная, почти хищная грация. Она медленно подошла к столу, изучая мониторы. Её дыхание было прерывистым, а пальцы то и дело опускались к животу. Внезапно она вскрикнула, схватившись за бок, и согнулась пополам.

— А-а-а... — простонала она, опускаясь на колени. — Блять... опять...

Кристина поняла: у Анны начались схватки. Собрав всю волю в кулак, она начала осторожно выбираться из укрытия. Нужно было действовать тихо, незаметно... но судьба распорядилась иначе. Один из малышей зашевелился, приоткрыл глаза и вдруг громко заплакал. Анна резко обернулась. Её

взгляд метнулся к тени за дверью, и в ту же секунду она схватила со стола хирургические ножницы. Лезвия блеснули в свете мониторов.

— Вот так сюрприз... — хрипло рассмеялась она, тяжело дыша. — Сколько лет, сколько зим, сестрица.

Её голос звучал знакомо, но в нём слышались новые, пугающие нотки — будто два разных человека говорили одновременно.

— Я уже познакомилась с твоим мужем, — продолжила она, медленно приближаясь. — Правда, он теперь выглядит... иначе. Но ничего, у меня для него сюрприз. — Она нежно погладила свой живот другой рукой. — Правда, малыш?

— Анна, пожалуйста... — прошептала Кристина, отступая назад. — Отпусти нас. Мои дети... Они же невинные...

— О, не волнуйся, — перебила сестра, её улыбка стала шире, почти безумной. — Они не пострадают. Пока не пострадают. Потому что теперь я — не Анна. Теперь я — Рэд Уайт.

Она резко рванулась вперёд, заноса ножницы, но внезапно её тело скрутила новая волна боли. Анна вскрикнула, упала на колени, выпустив оружие. Ножницы со звоном покатились по полу.

— Н-нет... не сейчас... — простонала она, сжимая живот. — Б-блять ...

Её тело содрогнулось, и Кристина поняла: роды начались.

Не теряя ни секунды, Кристина метнулась к выходу. Дети снова заплакали, но теперь это было неважно — главное было выбраться. Она толкнула дверь, выскользнула в туннель и побежала, не разбирая дороги. Канализация встретила её холодным эхом собственных шагов. Вода хлюпала под ногами, стены смыкались в темноте, но Кристина не останавливалась. Она знала: если Анна — или Рэд Уайт — придёт в себя, погоня будет неизбежна. За спиной раздались отдалённые крики — то ли Анны, то ли кого-то ещё. Кристина ускорила шаг, прижимая детей к груди. Её разум лихорадочно искал выход: куда идти? Где спрятаться? Вдруг впереди мелькнул тусклый свет. Она ускорила и увидела лестницу, ведущую вверх. Люк. С трудом поднявшись, она нащупала замок. Он поддался с громким скрежетом. Свежий воздух ударил в лицо, и Кристина, не оглядываясь, выбралась наружу. Перед ней расстился ночной город — огни, шум, жизнь. Но она не чувствовала облегчения и побежала в ближайший пункт полиции.

Тем временем Рэд Уайт, согнувшись от очередной волны схваток, медленно опустилась на холодный бетонный пол лаборатории. Её красно-алые волосы разметались по полу, контрастируя с бледной кожей. Она легла на спину, тяжело дыша, и с усилием раздвинула ноги. Боль, разрывающая тело, странным образом смешивалась с почти извращённым наслаждением — в её искажённом сознании родовые муки превращались в фантасмагорию, где вместо мучительного про-

цесса рождения она представляла, будто принимает в себя огромный член неведомого исполина. Её пальцы судорожно разорвали полы пуховика, обнажая низ живота и промежность. Она дышала прерывисто, сквозь стиснутые зубы, стараясь не кричать — не из страха быть услышанной, а из упрямого желания сохранить контроль над ситуацией. В её глазах, жёлтых и горящих, отражался безумный восторг.

— Да... — прошипела она, выгибая спину. — Да, вот так...

Она тужилась, напрягая все мышцы, чувствуя, как тело раскрывается, как что-то огромное и живое рвётся наружу. Пот стекал по её лицу, смешиваясь с краской для глаз, оставляя тёмные разводы. Время будто растянулось в бесконечность, но вот наконец — толчок, ещё один, и на холодный пол выпал маленький, окровавленный комочек. Мальчик. Он закричал — пронзительно, отчаянно, требуя внимания, тепла, жизни. Но Рэд Уайт даже не взглянула на него. Её грудь тяжело вздымалась, глаза горели безумным огнём. Она потянулась к ножницам, лежавшим неподалёку, схватила их дрожащими пальцами и резко, почти небрежно, перерезала пуповину. Затем, с усилием, вытащила из себя плаценту, отбросив её в сторону, как ненужный мусор. Ребёнок продолжал кричать, но она уже не слышала его. В её голове звучали другие голоса — шёпот, смех, обрывки фраз, которые никто другой не мог слышать. Она поднялась, пошатываясь, кровь стекала по её ногам, оставляя тёмные следы на бетоне.

Не оборачиваясь на плачущего младенца, она направилась к выходу. Канализация встретила её промозглым холодом и запахом сырости. Она шла, оставляя кровавые следы, её дыхание вырывалось облачками пара в холодном воздухе туннеля. Она не знала, куда идёт, но знала, что должна двигаться — вперёд, прочь, к новой цели, к новому хаосу. И вдруг — фигура впереди. Высокий мужчина, в том самом экзокостюме, который она видела на мониторах. Его респиратор скрывал лицо, но она узнала его по позе, по манере держаться.

— А ты что, клоун? — хрипло рассмеялась она, её голос дрожал от усталости и возбуждения. — Решил поиграть со мной?

Мужчина не ответил. Вместо этого он резко выпрямил руку, направив на неё распылитель, встроенный в перчатку. Из него вырвалась тонкая струя зеленоватого газа, шипящая, словно змея.

— Ты умрёшь здесь, — произнёс он, и его голос, искажённый респиратором, звучал механически, почти роботизированно.

Рэд Уайт не стала ждать. Она рванулась в сторону, увернувшись от струи газа, и бросилась на него с неожиданной для измученного тела скоростью. Её пальцы впились в края респиратора, дёргая его вниз. Мужчина попытался отшатнуться, но она была быстрее — её ногти царапали металл, пока наконец она не сорвала маску с его лица. В тот же миг она перехватила его руку, направляя распылитель прямо ему

в лицо. Струя газа ударила в кожу, окутав его голову зеленоватой дымкой.

— Получи! — выкрикнула она, отступая на шаг, ожидая, что он начнёт задыхаться, корчиться в муках.

Но мужчина лишь замер, а затем... рассмеялся. Смех был низким, гулким, почти звериным. Он выпрямился, глядя на неё без тени боли или страха.

— Что? — прошептала Рэд Уайт, чувствуя, как в груди нарастает тревога.

— Токсины с кислотой для меня безвредны, — спокойно ответил он, поднимая руку и вновь надевая респиратор. — Я дышу этим. Это моя среда.

Его голос снова стал механическим, но теперь в нём звучало превосходство. Он сделал шаг вперёд, и Рэд Уайт невольно отступила, чувствуя, как её уверенность тает.

— Кто ты? — выдохнула она.

— Я тот, кто заставит этот город задохнуться, — ответил он.

Его рука снова поднялась, и на этот раз Рэд Уайт поняла — бежать некуда. Парень уже приготовился выпустить новую порцию газа. Но в этот момент из глубины туннеля донёсся пронзительный, неумолчный крик младенца. Звук, чистый и отчаянный, разорвал напряжённую тишину, заставляя незнакомца резко обернуться. Он застыл на мгновение, прислушиваясь. Крик не прекращался — это был плач новорождённого, одинокий и беспомощный в сыром мраке ка-

нализации. Когда он снова перевёл взгляд туда, где только что стояла Рэд Уайт, её уже не было. Лишь едва заметный вихрь воздуха, качнувший тусклый свет фонаря, намекал на то, что она исчезла так же внезапно, как и появилась. Мужчина медленно опустил руку с распылителем. Внутри него что-то дрогнуло — не страх, не сомнение, а странное, почти забытое чувство, которое он давно считал утраченным. Он развернулся и молча направился обратно в убежище, туда, откуда доносился плач. Войдя в лабораторию, он замер у порога. На холодном бетонном полу лежал ребёнок — крошечный, окровавленный, но живой. Его лицо было сморщено от крика, а ручки беспомощно дёргались в воздухе. Незнакомец осторожно приблизился, присел на корточки и медленно протянул руку. Он колебался всего секунду, затем аккуратно поднял младенца. Его движения стали неожиданно бережными. Он прижал малыша к груди, слегка отклонив голову, чтобы лёгкие пары токсичного газа из респиратора не коснулись нежной кожи ребёнка. В его глазах, скрытых за стёклами маски, мелькнуло что-то неуловимое — будто тень давно забытой нежности.

— Тихо, малыш... тише... — прошептал он, и его голос, обычно холодный и механический из-за респиратора, сейчас звучал почти мягко. — Тебе здесь никто не обидит. Всё будет хорошо.

Он держал ребёнка на руках, покачивая его, словно пытаясь передать ему хоть каплю тепла. Плач постепенно зати-

хал, сменяясь тихим всхлипыванием. Незнакомец смотрел на младенца, и в его сознании проносились обрывки воспоминаний — далёких, почти стёртых временем. Он не знал, почему делает это, но что-то внутри него подсказывало: это важно.

Тем временем Кристина, задыхаясь от усталости и страха, наконец добралась до освещённого входа в больницу. Её ноги подкашивались, руки дрожали, но она продолжала прижимать к себе детей, словно они были единственным, что удерживало её в реальности. Её появление вызвало мгновенную суматоху. Медсестры и врачи бросились к ней, окружили её, начали задавать вопросы, но она лишь мотала головой, не отпуская малышей ни на секунду.

— Нет... не трогайте их... — прошептала она, её голос был хриплым, почти неслышным. — Они мои...

Врачи переглянулись, но не стали настаивать. Вместо этого они осторожно повели её внутрь, в тёплое, ярко освещённое помещение. Кристину усадили на кушетку, а детей аккуратно взяли на руки, чтобы осмотреть и привести в порядок. Она хотела сопротивляться, но её силы были на исходе. Она лишь следила за каждым движением медиков, её глаза наполнялись слезами, когда они осторожно мыли крошечные тельца, переодевали их в чистые пелёнки. Когда всё было закончено, её перевели в палату. Детей положили рядом с ней — одного в люльку, другого на кровать, чтобы она могла дотянуться до них рукой. Кристина наконец расслабилась, поз-

волив себе опустить веки. Но даже в полусне она продолжала держать их за пальчики, будто боясь, что они исчезнут.

Но как, на счастье, в той же больнице был и Марк. Он узнал о её появлении почти сразу. Шик сидел в коридоре, ожидая новостей, когда кто-то из врачей окликнул его:

— Мистер Шик? Ваша жена здесь. Она в четвёртой палате.

Марк вскочил, едва не опрокинув стул. Его сердце бешено колотилось, а в голове крутилась только одна мысль:

— «Она жива. Она здесь».

Он бросился к палате, распахнул дверь и замер на пороге. Кристина лежала на кровати, бледная, измученная, но живая. Её глаза были закрыты, но когда она почувствовала его присутствие, медленно открыла их. Их взгляды встретились, и в этот момент весь мир будто остановился.

— Ты... ты здесь... — прошептал Марк, подходя ближе. Его голос дрожал.

Она слабо улыбнулась, её губы едва шевелились:

— Я... я вернулась.

Он опустился на колени у кровати, взял её руку в свои и прижался к ней лбом. Слезы катились по его лицу, но он не пытался их скрыть.

— Я думал... я думал, что потерял тебя... — его голос прерывался. — Я искал тебя... везде.

Она попыталась поднять руку, чтобы коснуться его лица, но сил не хватило. Вместо этого она лишь тихо сказала:

— Наши дети... они с нами.

Марк обернулся и увидел люльку. Его глаза расширились, когда он увидел двух крошечных младенцев, мирно спящих под тёплыми одеяльцами. Он подошёл к ним, осторожно коснулся пальчиков, и на его лице появилась улыбка — такая светлая, что на мгновение все страхи и боль отступили.

— Они... они прекрасны, — прошептал он. — Наши дети.

В этот момент в палату вошли журналисты — кто-то из персонала уже успел сообщить о случившемся. Вспыхнули камеры, посыпались вопросы, но Марк и Кристина не обращали на них внимания. Они были вместе, они были живы, и их дети были рядом. Новости разлетелись мгновенно. Газеты вышли с заголовками: «Похищенная женщина спасена! Двое новорождённых в безопасности!». Фотографии Кристины и Марка с детьми облетели весь город. Люди обсуждали это на улицах, в кафе, в метро — это была история надежды, история выживания.

В это время в Брунхейте, в тёмной, почти пустой комнате, Блэк сидел перед телевизором. Он уже несколько часов просто смотрел в стену, погружённый в свои мысли, но когда на экране появились кадры из больницы, его взгляд резко изменился. Он выпрямился, прищурился, внимательно изучая лицо Кристины. На экране мелькнули её дети, Марк, держащий её за руку. Затем снова она — усталая, но с лёгкой улыбкой на лице. Блэк даже не улыбнулся. Его губы дрогнули, и он тихо произнёс:

— Значит, выбралась, дорогая...

Его голос звучал не зло, не радостно — скорее задумчиво, будто он уже просчитывал следующий шаг. Он выключил телевизор, встал и подошёл к окну. За стеклом простирался город, полный тайн и опасностей.

Часть вторая

«Между болью и надеждой»

Ранним утром, когда первые лучи солнца робко пробились сквозь плотные больничные шторы, в палату Кристины вошли двое полицейских в строгой форме. Их лица были серьёзными, движения — выверенными, словно каждый шаг был частью давно отработанного ритуала. Один из них, высокий мужчина с усталыми глазами и аккуратно подстриженными усами, держал в руках блокнот и ручку. Второй, помоложе, стоял чуть позади, внимательно наблюдая за обстановкой.

— Кристина, — начал старший, мягко, но твёрдо. — Мы понимаем, что вы пережили страшное испытание, но нам крайне важно получить от вас показания. Вы готовы поговорить?

Кристина, всё ещё бледная после пережитого, кивнула. Она сидела на кровати, прижимая к себе одного из младенцев, второй мирно спал в люльке рядом. Её пальцы слегка дрожали, но взгляд был твёрдым.

— Я расскажу всё, что видела, — тихо, но уверенно произнесла она. — Только прошу... не отнимайте у меня детей.

— Конечно, — поспешно заверил её полицейский. — Никто не заберёт ваших детей. Мы здесь только для того, чтобы

помочь.

И Кристина начала свой рассказ. Её голос то и дело прерывался, когда воспоминания накатывали волной, но она упорно продолжала. Она рассказала, как Блэк Уайт, убив водителя, похитил её, как заточил в подвале высотки Марка Шика, как она провела там девять тяжёлых месяцев, прикованная к трубе, питаюсь тем, что он оставил, а потом — крысами и мышами.

— Он... он держал меня там, как животное, — прошептала она, и её глаза наполнились слезами. — Но я выжила.

Полицейские внимательно записывали каждое слово. Когда она упомянула канализацию и лабораторию с мониторами, старший следователь поднял голову:

— Лаборатория? Вы уверены?

— Да, — кивнула Кристина. — Там было много экранов. Они показывали улицы, здания, даже... даже больницу, где лежал Марк. И ещё рестораны, клубы. Всё, будто он следил за городом.

Она описала незнакомца — его бледное, лишённое волос тело, испещрённое химическими ожогами, его пугающие зелёные глаза, светящиеся, словно токсичные отходы. Когда она закончила, полицейские переглянулись, и старший тихо сказал:

— Это совпадает с описанием. Тот самый убийца, который последние три месяца орудует в Найтмере.

Младший полицейский, до этого молчавший, уточнил:

— Вы сказали, он вас спас? Почему?

— Я не знаю, — призналась Кристина. — Он помог мне, освободил, привёл в своё убежище, но потом ушёл.

Следователь кивнул, делая пометку в блокноте. Затем, чуть помедлив, спросил:

— Ещё кого-нибудь видели.

Дрожащим голосом, Кристина ответила:

— Да. Там я встретила свою сестру. Анну, — вздохнула Кристина. — Но она... она уже не Анна. Она называла себя Рэд Уайт.

Полицейские записали и эту информацию. Старший следователь закрыл блокнот, поблагодарил Кристину за сотрудничество и заверил, что они сделают всё возможное, чтобы найти преступников. Когда они вышли в коридор, младший полицейский тихо спросил:

— Думаешь, что это по профилю Гаврилина?

Старший кивнул:

— Однозначно. Надо сообщить ему. Это по его части.

Он достал телефон и набрал номер.

Тем временем в коридоре, притаившись за углом, стояла медсестра — стройная брюнетка с внимательными глазами. Она слышала весь разговор, не пропустив ни слова. Когда полицейские ушли, она тихо развернулась и направилась в глубь больницы, её шаги были почти бесшумными.

Тем же морозным утром у массивных дверей детского дома № 7 обнаружили младенца. Малыш лежал в картонной

коробке, укутанный в тонкое шерстяное одеяло, его лицо покраснело от холода, но дыхание было ровным. Дежурная нянечка, выходявшая на крыльцо с ведром, вскрикнула от неожиданности, затем бросилась внутрь за помощью. Тут же вызвали врачей. Медики осмотрели ребёнка — мальчик, возраст около суток, здоров, лишь слегка переохлаждён. Завели карточку: «Найденный. Пол: мужской. Состояние удовлетворительное». Его согрели, накормили, переодели в чистое. По закону о найдёнышах, через три дня он официально стал воспитанником учреждения — пока без имени, без прошлого, без семьи. Но судьба распорядилась иначе. В тот же день в детский дом пришла молодая пара — Альбина и Филипп Блэк. Они давно мечтали о ребёнке, прошли десятки обследований, потратили сбережения на лечение, но природа оставалась неумолимой. Их глаза загорелись, когда им показали малыша у крыльца.

— Можно... можно мы его возьмём? — дрожащим голосом спросила Альбина, прижимая ладонь к груди. — Мы хотим его усыновить. Сразу. Сегодня.

Директор детского дома, видя их искренность и отчаяние, пошёл навстречу. Бумаги оформили в ускоренном порядке. Через неделю мальчик обрёл семью. Его называли Дариус — имя, которое Альбина давно хранила в сердце для своего будущего ребёнка.

В это время глубоко под городом, в лабиринте канализационных туннелей, в скрытой лаборатории, сидел человек,

которого в Найтмере уже шептались называть «газовым ма-
няком». Он не слышал ни о детском доме, ни о семье Бл-
эк, ни о новом имени мальчика. Но именно он принёс сю-
да новорождённого — сына Рэд Уайт — и оставил у дверей
приюта. Он сидел в полумраке, освещаемый лишь тусклым
светом мониторов и редких ламп. Перед ним на столе лежа-
ло старое фото: молодой человек в лабораторном халате, с
улыбкой держащий грамоту. На ней чётко виднелось имя:
«Алексей Мрякин». Он долго смотрел на снимок. Пальцы
медленно провели по глянцевой поверхности, словно пыта-
ясь ощутить тепло прошлого.

— Это был я, — прошептал он, и голос его, искажённый
респиратором, звучал глухо, почти безжизненно. — Я был
им.

В его памяти всплывали обрывки: университетские кори-
доры, запах реактивов, восторг от первых открытий, рукопо-
жатия коллег, поздравления с наградами. Он был талантли-
вым учёным, верил, что его исследования помогут людям.
Но потом... потом пришли они. Богатые, влиятельные, с хо-
лодными глазами и расчётливыми улыбками. Им нужны бы-
ли не лекарства — им нужны были оружие, контроль, власть.
Когда он отказался сотрудничать, его жизнь превратилась
в ад. Он помнил кислоту — как она жгла кожу, разъедала
плоть, как он кричал, утопая в боли. Но он не умер. Тело из-
менилось. Кожа стала бледной, лишённой волос, испещрён-
ной рубцами. Кровь смешалась с токсинами. Лёгкие научи-

лись дышать ядом. Кислота стала его водой, токсины — вторым кислородом. Он поднял руку — пальцы, покрытые полупрозрачной плёнкой, слегка светились в полумраке.

— Я не монстр, — сказал он самому себе. — Я — лекарство этого города.

Его взгляд скользнул к мониторам. На одном из экранов — палата в больнице. Кристина. Жива. Рядом с ней двое детей, укутанных в мягкие одеяла. Она улыбается — слабо, но искренне. А потом в кадр входит Марк Шик. Сначала на лице парня мелькнуло что-то похожее на облегчение. Но затем взгляд застыл, зрачки сузились, а пальцы сжали край стола.

— Так ты с ним, — прошептал он, и в голосе зазвучала ледяная ярость. — Ты с ним.

Он вспомнил подвал, цепи, её измученное лицо. Вспомнил, как освободил её, как держал на руках её новорождённых детей.

— Я спас тебя, — его голос стал громче, почти рычанием. — Знал бы, что ты и он... оставил гнить в том подвале. Забрал бы детей. Ты даже не поняла, что я сделал для тебя.

Он резко встал, подошёл к панели управления. Пальцы забегали по кнопкам, переключая камеры. На экранах мелькали улицы, рестораны, клубы — места, где богатые проводили вечера, смеялись, пили шампанское, не подозревая, что за ними следят.

— Вы все вдохнёте моей крови, — произнёс он, и в его глазах, зелёных, светящихся, как ядовитые испарения,

вспыхнул холодный огонь. — Вы заплатите.

Он достал колбу с густой, мерцающей жидкостью. Она пульсировала, словно живое существо, источая едва заметный зеленоватый дым.

— Скоро, — прошептал он. — Очень скоро.

А к зданию полицейского участка тем временем подъехала неприметная серая машина. Двери распахнулись, и из салона вышли двое: Люся и Гаврилин. Они прошли через вестибюль, миновали пост дежурного, не проронив ни слова, и направились прямо в кабинет начальника отдела. Дверь открылась без стука — формальности давно перестали иметь значение в их работе.

— Алексей, — кивнул Гаврилин, переступая порог.

Люся молча прошла следом, бросила на стол папку с бумагами и с размахом закинула ноги на край столешницы, словно находилась не в кабинете начальника, а в своей гостиной. Начальник, седовласый мужчина с усталыми глазами и густыми бровями, поднял взгляд от бумаг. На его лице мелькнуло раздражение, но он тут же сдержался. С этими двумя спорить было бесполезно — они либо решали проблему, либо оставляли после себя ещё больший хаос.

— Ну, что у нас? — без предисловий спросил Гаврилин, усаживаясь в кресло напротив.

Начальник вздохнул, отложил ручку и откинулся на спинку стула.

— Один «газовый маньяк» орудует в городе. Заявляется

на крупные вечеринки, где собираются влиятельные люди, и... травит их. Кислотой, токсинами. Всё происходит быстро — никто не успевает среагировать. Жертвы задыхаются, кожа покрывается волдырями, а потом... тишина.

Люся, не снимая ног со стола, наклонилась вперёд, её глаза загорелись азартом.

— А почему «газовый убийца»? — спросила она с улыбкой. — Можно было бы назвать «Токсином», или «Кислотником», или... «Зелёным кошмаром». Звучит же!

Начальник смутился, явно не ожидая такого вопроса. Он открыл рот, чтобы ответить, но Гаврилин перебил:

— Дальше. Что ещё?

— Вы, наверное, видели новости, — продолжил начальник, возвращаясь к делу. — Нашли жену Блэк Уайта. Кристину. Она выжила, хотя, судя по всему, прошла через ад.

Гаврилин кивнул.

— Да, мы в курсе.

— Так вот, — начальник понизил голос, — её спас некий мужчина. Он освободил её из подвала, провёл через канализацию в своё убежище. Судя по её описанию, это тот самый «газовый маньяк». У него там целая лаборатория — мониторы, камеры, следящие за всем городом. Он знает, где кто находится, что делает. Это не просто убийца. Это... стратег. Ну и ещё наша выжившая видела свою сестру.

Люся резко спустила ноги со стола, подалась вперёд.

— Рэд Уайт, верно?

Начальник кивнул.

— Именно. Она тоже была там, в лаборатории. И по её показаниям она тоже была беременна и родила там ребёнка.

Люся хлопнула в ладоши.

— Бинго! — воскликнула она, сверкая глазами.

Гаврилин молча достал из кармана пачку бумаг, положил их на стол перед начальником.

— Нам нужны люди, — сказал он ровным голосом. — Прочесать канализацию. Найти это убежище. И ещё — доступ к нашей выжившей. Возможно, она что-то ещё знает.

Люся добавила:

— И ещё: через час приедет наш коллега. Ей нужен полный доступ к базе данных всех городских камер и сетей. Всё, что фиксирует движение, лица, перемещения.

Начальник нахмурился, но не стал спорить. Он знал: если эти двое взялись за дело, остановить их невозможно.

— Сделаю, — коротко ответил он.

Выйдя из участка, Гаврилин и Люся остановились у крыльца. Люся достала из кармана пачку сигарет, щёлкнула зажигалкой и глубоко затянулась.

— Ну и семейка намечается, — рассмеялась она, выпуская дым. — Рэд Уайт, Блэк Уайт... А теперь кто у нас? Грин Уайт? Если так, то и ту в полосатом можно как-то назвать.

Гаврилин усмехнулся, тоже закуривая.

— У этого новичка пока нет имени. Но ты уже дала ему прозвище.

— Токсин, — с удовольствием повторила Люся. — Звучит. И подходит.

Гаврилин задумчиво посмотрел вдаль, на серые здания, на редкие огни машин.

— Не знаю почему, но мне кажется что ребёнок Рэд от Блэка, — предположил он.

— С чего это ты решил? — поинтересовалась Люся.

— Чуйка, — усмехнулся он.

Она бросила окурок на асфальт, затушила его каблуком и поправила куртку.

— Ладно, пора работать. Если этот Токсин следит за городом, значит, он где-то рядом. Этот урод ещё покажет себя.

Гаврилин кивнул, и они сели в машину.

В Брунхейте, этой мрачной цитадели безумия и боли, день тянулся монотонно, словно вязкая смола. За высокими стенами лечебницы, за решётками на окнах, за запертыми дверями с усиленной защитой — жизнь шла своим чередом, но это была жизнь, вывернутая наизнанку. По двору, огороженному высоким забором с колючей проволокой, медленно прогуливались пациенты — кто-то в сопровождении санитаров, кто-то сам по себе. Одни сидели на скамейках, бессмысленно глядя в небо, другие бормотали что-то себе под нос, третьи просто застывали в одной позе, будто выключенные куклы. В воздухе витал запах лекарств, хлорки и чего-то неуловимо гнетущего — словно сама атмосфера здесь пропиталась страданием. Но были в этом заведении места, куда

даже санитары заходили с опаской. Две палаты, двери которых были испачканы бурыми разводами — следами крови, давно засохшей, но не утратившей своей зловещей выразительности. В этих палатах сидели те, кого даже персонал называл не по именам, а по прозвищам — Пчёлка и Блэк Уайт.

Палата Эли производила впечатление места, где бушевала ярость. Мягкие стены, предназначенные для безопасности пациентов, были исцарапаны, разорваны в клочья. На полу валялись обрывки ткани, куски набивки. Сама Эля сидела в углу, подтянув колени к груди, её глаза, обычно светлые, сейчас казались тёмными провалами. Волосы, когда-то аккуратно убранные, теперь свисали спутанными прядями. Когда в палату вошёл доктор Михайлов в сопровождении двух санитаров, она не подняла головы. Но стоило психиатру заговорить, её пальцы сжались в кулаки.

— Эля, расскажите, как вы себя чувствуете сегодня? — мягко начал Михайлов, держа дистанцию.

Она медленно подняла взгляд, и в её глазах вспыхнул огонёк — не безумия, а какой-то холодной, выстраданной решимости.

— Я чувствую... — её голос звучал ровно, почти бесстрастно. — Я чувствую, что мир грязный. Что он полон грязи. И эту грязь нужно вычистить.

Михайлов кивнул, делая пометку в блокноте.

— Вы говорите о насилии? О том, что с вами произошло? Её лицо исказилось.

— Это не должно случиться с кем-то ещё! — выкрикнула она, вскакивая. — Я знаю, что должна сделать. Я знаю, как освободить этот мир от грязи.

Санитары напряглись, но Михайлов жестом остановил их. — Освободить? Как именно?

Эля замолчала, её взгляд снова стал пустым. Она опустилась на пол, обхватив колени руками.

— Кровью.

Михайлов закрыл блокнот. В его голове уже складывался диагноз: триггерное состояние. Любое упоминание насилия, любая сцена жестокости — и она теряла контроль. Её разум, переживший травму, теперь искал способ «очистить» мир, чтобы больше никто не испытал того, что испытала она.

Палата Блэка Уайта выглядела иначе. Здесь стены не были разорваны — лишь испещрены бурыми разводами, пятнами крови. Но самое поразительное — рисунки. Они покрывали поверхность, словно фрески безумца: рыжая девушка в фарфоровой белой маске с трещиной — её глаза на рисунке были пустыми, без зрачков; человек с кожей ящера, с клыками и когтями, будто вышедший из древних легенд; девчонка с гримом, копирующим лицо Блэка; дама в маске черепа, облачённая в доспехи — явное изображение смерти.

Сам Блэк сидел в углу, неподвижный, словно статуя. Его глаза были пусты, взгляд — холодный. Он не реагировал на присутствие Михайлова, не отвечал на вопросы.

— Блэк, — тихо произнёс психиатр, — вы слышите меня?

Молчание. Один из санитаров сделал шаг вперёд, пытаясь поднять пациента. В тот же миг Блэк резко вскинул руку — движение было быстрым, почти нечеловеческим. Санитар вскрикнул, хватаясь за сломанное запястье. Второй бросился на помощь, но Блэк уже вскочил, его пальцы сомкнулись на горле противника.

— Стойте! — крикнул Михайлов, и только его голос, твёрдый и властный, заставил Блэка остановиться.

Он медленно разжал пальцы, отступил назад, снова опускаясь на пол. Его лицо оставалось бесстрастным, словно всё только что произошедшее его не касалось.

Михайлов глубоко вздохнул. Этот случай был сложнее. Блэк не испытывал ни эмоций, ни чувств — его психика словно отключилась от реальности. Триггерное состояние, чрезмерная жестокость, отсутствие эмпатии... Но что сбивало Михайлова с толку — это один факт. Блэк Уайт, убийца, не способный испытывать сострадание, никогда не трогал детей. Ни разу за всё время его пребывания в Брунхейте он не проявил агрессии к маленьким пациентам или к персоналу, который работал с детьми. Почему? Этот вопрос не давал Михайлову покоя. Он смотрел на Блэка, на его пустые глаза, на кровавые рисунки на стенах — и понимал: за этим безумием кроется что-то большее. Что-то, что он пока не мог разгадать.

Когда сеанс закончился, Михайлов вышел во двор лечебницы. Холодный ветер ударил в лицо, но он не почувствовал

облегчения. В голове крутились мысли, обрывки диалогов, образы пациентов. Он достал блокнот, открыл чистую страницу и начал записывать:

— «Пациент № 1: триггер на насилие. Убеждение в необходимости „очищения“. Ригидность мышления. Потенциально опасна при провокации. Пациент № 2: апатия, отсутствие эмоций. Чрезмерная жестокость в ответ на физическое воздействие. Парадоксальное поведение — не трогает детей. Вопрос: почему? Общий вывод: оба пациента связаны с более широкой сетью событий. Необходимо усилить наблюдение».

Доктор Михайлов закрыл блокнот, провёл ладонью по усталым глазам и направился в приёмное отделение. Сегодня предстояло принять новую партию пациентов — их привезли из закрытой лечебницы, где годами содержали людей с особо сложными психическими расстройствами. Санитары в белых халатах торопливо катили каталки, медсестры сверялись с графиками, а за стеклянными дверьми то и дело мелькали фигуры пациентов — кто-то бесцельно бродил, кто-то застывал в одной позе, будто выключенная кукла. Михайлов вошёл в приёмный блок. Перед ним выстроились несколько человек — бледные, с пустыми или испуганными глазами. Одни нервно теребили края одежды, другие смотрели в пол, третьи вообще не реагировали на происходящее. Психиатр медленно переводил взгляд с одного на другого, мысленно отмечая особенности поведения, пытаясь предугадать, с чем

придётся столкнуться.

— Начнём с осмотра, — произнёс он ровным голосом. — По одному, пожалуйста.

После нескольких часов приёма Михайлов наконец смог перевести дух. Он вышел в тихий коридор, ведущий к особому отсеку — месту, где содержались пациенты, требующие индивидуального подхода. Среди них был один мальчик, который давно занимал мысли психиатра. Палата № 17. Дверь с усиленным замком, окошко с решёткой, внутри — минималистичная обстановка: кровать, стол, стул и угол, заваленный игрушками. Именно там, в дальнем углу, сидел он — мальчик лет шести-семи. У него не было имени, лишь код: 101. Его лицо было спокойным, почти безмятежным, а глаза — пустыми, как у фарфоровой куклы. Он перебирал кубики, складывая их в причудливые конструкции, затем разрушал и начинал заново. Михайлов тихо вошёл, стараясь не напугать ребёнка.

— Привет, — мягко сказал он, присаживаясь на стул неподалёку. — Как ты сегодня?

Мальчик поднял взгляд, но не ответил. Его пальцы продолжали механически двигать кубики.

— Опять строишь? — попытался завязать разговор Михайлов. — Что это будет? Замок? Дом?

Молчание. Александр вздохнул. Он уже много раз пытался найти подход к этому ребёнку, но всё было тщетно. Мальчик не проявлял агрессии, не кричал, не плакал — он про-

сто... существовал. В его глазах не было страха, радости, любопытства — ничего. Лишь холодная пустота. Ещё месяц назад, изучая историю мальчика, Михайлов узнал, что он был до этого в лесной лечебнице Клауса Брунхейта. Над ребёнком работала целая команда психиатров, психологов, нейрофизиологов — все пытались пробудить в нём эмоции, научить чувствовать, реагировать на окружающий мир. Но чем глубже Михайлов погружался в материалы, тем больше понимал: что-то здесь не так. Записи были обрывочными, многие страницы отсутствовали, а некоторые термины казались подозрительно наукообразными, будто вырванными из контекста какого-то иного исследования.

Михайлов решил попробовать ещё один способ. Он попросил санитаров привести в палату нескольких маленьких пациентов — тех, кто ещё сохранял способность к общению. Через полчаса в комнате появились трое детей: девочка лет пяти, мальчик постарше и ещё одна малышка, которая всё время улыбалась. Они осторожно подошли к мальчику с кубиками, начали что-то говорить, показывать игрушки. Сначала он не реагировал. Но потом... Его пальцы замерли. Он медленно поднял голову, посмотрел на детей. В его взгляде мелькнуло что-то неуловимое — не эмоция, но интерес. Он протянул руку, взял у девочки мягкую игрушку, повертел её в руках, затем вернул обратно.

— Видишь? — тихо сказал Михайлов одному из наблюдавших психиатров. — Он реагирует. Не так, как мы при-

выкли, но... он реагирует.

Дети начали играть вместе — не шумно, не весело, но как-то... естественно. Мальчик с кубиками изредка вставлял свои движения в их игру, иногда даже улыбался — но едва видимой.

Однажды Александр Рудольфович Михайлов пришёл на работу не один — с собой он взял шестилетнюю дочку Агату. Девочка, обычно послушная и тихая, в этот раз была особенно оживлённой: она крутила в руках плюшевого зайца, то и дело заглядывала отцу в глаза и без умолку болтала о садике, подружках и новой книжке с картинками.

— Пап, а можно я немного погуляю по коридору? — спросила она, когда они зашли в кабинет Михайлова. — Тут так интересно!

— Нет, Агата, — строго, но мягко ответил он, раскладывая бумаги на столе. — Здесь лечебница, тут ходят больные люди. Тебе лучше посидеть тут, я скоро вернусь.

Он оставил её в кабинете с раскрасками и карандашами, а сам отправился на утренний обход. Но Агата, едва отец скрылся за дверью, не выдержала. Любопытство оказалось сильнее послушания. Она тихонько приоткрыла дверь, выглянула в коридор и, убедившись, что никого нет, выскользнула наружу.

Коридоры Брунхейта, обычно тихие и строгие, в тот день казались девочке волшебным лабиринтом. Она шла, прижимая к груди зайца, заглядывала в углы, рассматривала две-

ри с номерами и слушала отдалённые голоса. И вдруг — за поворотом — она увидела его. Мальчик сидел на полу у окна, перебирая те же кубики, что и всегда. Его лицо было безмятежным, глаза — пустыми, но в движениях чувствовалась какая-то сосредоточенность. Агата остановилась, замороженная.

— Привет! — звонко сказала она, подходя ближе. — Ты кто?

Мальчик поднял взгляд, но не ответил. Он просто смотрел на неё, будто пытаясь понять, что это за явление.

— Меня зовут Агата, — продолжила девочка, присаживаясь рядом. — А тебя?

Молчание. Она не смутилась. Достала из кармана конфету, протянула ему.

— Хочешь?

Он посмотрел на конфету, затем снова на неё. Медленно взял, повертел в пальцах, но есть не стал.

— Давай играть? У меня есть заяц. Хочешь с ним поиграть?

Она достала плюшевую игрушку, посадила рядом с кубиками. Мальчик осторожно коснулся зайца, провёл пальцами по мягкой шерсти. В его глазах мелькнуло что-то неувловимое — не эмоция, но интерес.

— Вот, — Агата взяла один кубик, поставила его на другой. — Это домик. А это — дерево.

Она начала складывать простые фигуры, то и дело погля-

дывая на мальчика. Он наблюдал, затем — неожиданно — потянулся к кубикам и повторил её движение.

— Давай вместе! — обрадовалась Агата.

Они начали строить. Сначала молча, потом девочка стала рассказывать сказки — про драконов, принцесс и волшебников. Мальчик слушал, иногда повторял за ней движения, иногда сам придумывал конструкции. И вдруг — впервые за всё время наблюдений — на его лице появилась улыбка. Не натянутая, не механическая, а настоящая, пусть робкая, но живая.

— Ты улыбаешься! — воскликнула Агата, хлопая в ладоши. — Здорово! А почему ты раньше не улыбался?

Он не ответил, но улыбка не исчезла. Он смотрел на неё с каким-то новым выражением — будто видел что-то, чего раньше не замечал.

В этот момент в конце коридора показался Михайлов. Он замер, увидев дочь рядом с мальчиком. Его сердце сжалось от тревоги.

— Агата! — окликнул он строго. — Что ты здесь делаешь?!

Девочка обернулась, но не испугалась.

— Папа! Я с ним играю!

Михайлов подошёл ближе, внимательно разглядывая мальчика. Тот уже не улыбался, но в его глазах осталось что-то новое — не пустота, а... интерес.

— Ты не должна ходить по коридорам без меня, — сказал

он дочери, стараясь сдерживать раздражение. — Здесь небезопасно.

— Но он же не злой! — возразила Агата. — Он просто грустный. Ему нужно с кем-то играть.

Михайлов вздохнул. Он хотел отчитать её, но слова застряли в горле. Потому что видел: мальчик, который годами не проявлял эмоций, сейчас смотрел на его дочь так, как никогда не смотрел ни на кого другого.

С тех пор Михайлов стал чаще приводить Агату в лечебницу. Сначала — только на час, потом — на полдня. Девочка сама находила мальчика, садилась рядом и начинала болтать, рассказывать истории, предлагать игры. Однажды она спросила:

— Почему тебя зовут 101? Это же не имя!

Мальчик опустил взгляд, будто пытался вспомнить.

— Не знаю, — тихо ответил он. — Я не помню своего прошлого.

— Тогда я дам тебе имя! — радостно объявила Агата. — Хочешь?

Он кивнул.

— Давай ты будешь Филя! Филипп. Так красиво.

Он повторил:

— Филя...

— Да! — засмеялась Агата. — Теперь ты Филя!

Он улыбнулся. На этот раз — шире, искреннее.

— Филя, — повторил он. — Мне нравится.

Они рассмеялись вместе — звонкий детский смех Агаты и тихий, неуверенный, но настоящий смех Филиппа.

Михайлов наблюдал за ними издали. Он понимал: это не просто игра. Это — первый шаг. Первый проблеск жизни в человеке, которого все считали безнадежным.

— Может, это и есть ответ... — прошептал он себе. — Может, ему просто нужен кто-то, кто увидит в нём не пациента, а человека.

С тех пор он стал разрешать Агате проводить с Филиппом больше времени. Девочка проводила с ним много времени. Она рассказывала ему о мире за стенами Брунхейта — о солнце, о ветре, о мороженом и каруселях; а он слушал.

Часть третья

«На пороге ада»

После долгих недель в больнице Марк и Кристина наконец смогли покинуть стены лечебницы. Их дети — двое крохотных, беззащитных существ, которым ещё только предстояло познать мир, — отправились вместе с родителями в дальний особняк за пределами Найтмера. Место было выбрано не случайно: уединённое, окружённое густым лесом, с высокими заборами и системой безопасности, которую Марк начал выстраивать ещё до выписки жены.

В просторном доме, где раньше царили тишина и пустота, теперь звучали новые голоса. Кристина сама выбрала имена для детей: девочку назвала Ариной, мальчика — Максимом. Каждое утро она подолгу смотрела на них, пока они спали, трогала их нежные пальчики, вдыхала запах их волос — и каждый раз её сердце сжималось от страха. Страх, который не уходил даже днём, а ночью превращался в удушающую тьму. Она не отходила от детей ни на шаг. Даже когда Марк уговаривал её отдохнуть, она лишь качала головой:

— Я не могу. Я должна быть рядом.

— Кристина, ты изводишь себя, — мягко говорил он, кладя руку на её плечо. — Здесь безопасно. Я всё продумал.

Но она не могла успокоиться. В её сознании жили три при-

зрака — три угрозы, которые не давали ей покоя: Блэк Уайт — её бывший муж, человек, который когда-то любил её, а потом превратил её жизнь в ад, за её предательство. Рэд Уайт — её сестра, ставшая чужой, которая хочет уничтожить её жизнь. Пчёлка — дочь Блэка, девочка с глазами, полными тьмы, чья жизнь стала мраком из-за Кристины. Ночью Кристина не выключала свет. Ни на секунду. Она сидела в кресле рядом с кроватками, слушала дыхание детей и вздрагивала от каждого шороха. Ей казалось, что в темноте, за шторами, за дверью, в углах комнаты — везде прячутся тени. Тени, которые ждут момента, чтобы забрать у неё самое дорогое.

Марк видел её страх. Он не осуждал — он понимал. Поэтому сделал всё, чтобы превратить особняк в неприступную крепость.

По периметру установили камеры с ночным видением, датчики движения, сигнализацию. Наёмные охранники патрулировали территорию круглосуточно. Внутри дома — бронированные двери, система экстренного вызова, тайная комната, где можно было укрыться в случае нападения. Марк лично проверял всё: от работы камер до расписания охранников.

— Никто не пройдёт, — говорил он Кристине, обнимая её. — Я не позволю.

Она кивала, но в глазах оставался страх.

Однажды вечером, когда солнце уже опускалось за лес, окрашивая небо в багряные тона, Марку позвонил человек,

которого он надеялся никогда больше не услышать. На экране телефона высветилось имя: Анонимо.

Марк нахмурился, но ответил.

— Hola, hijo de puta que decidió resolver sus problemas por sí mismo, — раздался в трубке голос, говорящий по-испански с холодной, растягивающей интонацией.

Марк сжал телефон.

— Насколько я помню, мы решили вопрос, — ответил он спокойно, хотя внутри всё закипало.

— Мы ничего не решили, — отрезал Анонимо. — Ты всё ещё должен мне. И не просто деньги. Ты должен уважение.

Марк закрыл глаза, глубоко вдохнул.

— У меня теперь есть семья, — сказал он. — И я не хочу, чтобы они страдали из-за твоих претензий.

— О, я знаю, что у тебя семья, — голос в трубке стал тише, но страшнее. — Esposa. Niños. Lindo, pequeño... Они такие хрупкие, Марк. Так легко сломать.

Кровь прилила к лицу Марка.

— Если ты тронешь их...

— Я ничего не трогал, — перебил Анонимо. — Пока. Но я могу. И ты знаешь это. Ты знаешь, что я умею приходить тихо. Ты знаешь, что я могу оставить после себя только призраков.

Марк молчал. Он знал: это не пустые слова. Анонимо был мастером теней. Он мог быть где угодно. Он мог знать всё.

— Слушай меня внимательно, — продолжил тот. — Я

приеду в город на днях. И я хочу увидеть тебя. Один на один. Без охраны, без фокусов. Если ты не придёшь — я найду тебя сам. И тогда... кто знает, что случится с твоей семьёй?

Он рассмеялся — тихо, почти нежно, но от этого смеха у Марка по спине пробежали мурашки.

— Nos vemos, Mark.

Звонок оборвался. Марк стоял у окна, сжимая телефон в руке. Внизу, в саду, Кристина качала коляску с Ариной, а Максим спал в переноске рядом. Мир казался таким спокойным.

— Эгоистичная сволочь в маске, — прошептал он, глядя в темнеющее небо. — Ты не тронешь их.

Он развернулся, чтобы идти к жене, но замер. В отражении стекла он увидел тень — или это просто игра света? Он резко обернулся. Никого. Но страх, холодный и липкий, уже проник в сознание. Анонимно не шутил. И он действительно приедет.

А в глубине Брунхейта, в блоке особо опасных пациентов, царила привычная гнетущая тишина. Толстые стёкла палат, усиленные решётками, приглушали любые звуки, превращая мир за их пределами в размытое, искажённое отражение. В одной из таких камер сидела Пчёлка — Эля. Она медленно, методично царапала кончиками пальцев толстое стекло, будто пыталась проделать в нём брешь, вырваться наружу или хотя бы дотянуться до того, кто находился напротив. Её взгляд был прикован к палате отца. Блэк Уайт си-

дел там неподвижно, словно изваяние: спина прямая, глаза устремлены в одну точку на стене. Ни движения, ни вздоха — только тень мысли, застывшая в глубине его мрачных глаз. Пчёлка прекратила царапать стекло. Её голос, тихий, но напряжённый, прорвался сквозь безмолвие:

— Скажи мне, отец... Почему тварь, которая сломала нам жизнь, сейчас жива? Почему она не только уцелела, но ещё и стала знаменитой жертвой? Её жалеют, ей сочувствуют... Это несправедливо.

Блэк медленно повернул голову. Его лицо оставалось бесстрастным, но в уголках губ мелькнуло что-то — не улыбка, а скорее тень усмешки, холодная и расчётливая.

— Ты считаешь, что она счастлива? — его голос звучал ровно, почти равнодушно. — Напрасно. Сейчас она в полном ужасе. Каждый день для неё — это ожидание удара. Она не спит по ночам, прислушивается к каждому шороху, проверяет замки, оглядывается. Она знает: прошлое не отпустило её.

Он сделал паузу, и в его глазах вспыхнул недобрый огонёк.

— Скоро в её жизни вновь нарисуетя Рэд. Ты ведь помнишь, как Анна умеет играть с чужими жизнями? Затем всплывут призраки прошлого Марка — люди, которым он когда-то перешёл дорогу. И вот пока этот механизм ужаса будет крутиться, пока моя «Чёрная Симфония» будет играть, Кристина станет такой, как мы. Но... — он выдержал паузу, и его губы медленно растянулись в едва заметной, чёр-

ной улыбке, — она переживёт куда более ужасную участь.

Его зубы, тёмные, почти чёрные, на мгновение обнажились, а дёсны, лишённые здорового розового оттенка, лишь усиливали впечатление чего-то нечеловеческого, зловещего. Пчёлка нахмурилась. Её пальцы сжались в кулаки, а в глазах вспыхнула ярость.

— И ты считаешь, что её не стоит убивать? — резко спросила она. — Почему мы просто наблюдаем? Почему не избавим мир от неё?

Блэк медленно покачал головой. Его взгляд стал ещё холоднее, почти ледяным.

— Убийство — это слишком просто. Это лишило бы нас зрелища. Она сама попросит это сделать. Когда страх сожрёт её изнутри, когда она поймёт, что спасения нет, она придёт к нам. И тогда... — он снова улыбнулся, на этот раз шире, — мы дадим ей то, чего она так отчаянно захочет.

Пчёлка молчала. Она смотрела на отца, пытаясь понять: это холодный расчёт или безумие? Но в глубине души она знала — для Блэка Уайта разница между этими понятиями давно стёрлась.

— А если она не сломается? — тихо спросила она, сама не зная, хочет ли услышать ответ.

— Она сломается, — уверенно ответил Блэк. — Все ломаются. Вопрос лишь во времени.

В палате повисла тяжёлая тишина. Где-то вдали раздался глухой стук — вероятно, санитар проверял замки. Но ни

отец, ни дочь не обратили на это внимания. Они продолжали смотреть друг на друга, два осколка одного безумного мира, где страх и месть стали единственными законами.

Очередной рабочий день близился к концу. Персонал спешил завершить текущие дела: медсестры заполняли карты, санитары проверяли палаты, техники проводили плановые осмотры оборудования. В воздухе витала привычная атмосфера сдержанного напряжения — здесь никогда не знали, что принесёт следующий час.

В палате пациента 101 царила редкая для этого места идиллия. Агата, дочь доктора Михайлова, сидела на полу, окружённая мягкими игрушками. Рядом с ней — Филипп, мальчик, который ещё недавно казался лишённым любых эмоций. Сейчас его лицо светилось робкой улыбкой. Они играли в мишку и зайчика: Агата оживлённо рассказывала сказку, а Филипп внимательно слушал, иногда повторяя за ней простые движения.

— А мишка говорит зайчику: «Давай дружить!» — звонко говорила Агата, поднимая плюшевого медведя. — А зайчик отвечает: «Конечно, давай!»

Филипп осторожно взял зайчика, прижал к груди и тихо произнёс:

— Дружить.

Агата рассмеялась.

— Да! Ты молодец, Филя!

Мальчик улыбнулся шире. В этот момент он выглядел по-

чти счастливым — таким, каким никогда не видели его психиатры. Спустя некоторое время Агата поднялась.

— Мне пора к папе, — сказала она, собирая игрушки. — Но я завтра снова приду, ладно?

Филипп кивнул, не говоря ни слова, но в его глазах читалась тоска — он уже привык к её присутствию, к этому маленькому островку тепла в холодном мире палаты. Вместе с Агатой в палату вошла медсестра. Она мягко улыбнулась мальчику.

— До свидания, Филипп. Будь умницей.

Девочка помахала рукой и вышла вслед за медсестрой. Они направились по коридору к кабинету Михайлова. День, казалось, завершался на удивительно светлой ноте.

Но спокойствие было обманчивым. Внезапно тишину лечебницы разорвал пронзительный вой сирены. Лампы аварийного освещения замигали красным, двери палат с грохотом распахнулись. Система безопасности дала сбой — и это стало началом хаоса. Из открытых дверей хлынули пациенты — те, кого годами удерживали за замками и решётками. Кто-то кричал, кто-то смеялся, кто-то молча бросался на встречающих. Медперсонал в панике пытался укрыться, санитары пытались сдержать натиск, но силы были неравны. Медсестра, сопровождавшая Агату, схватила девочку за руку.

— Бежим! — крикнула она, пытаясь увести ребёнка в безопасное место.

Но не успели они сделать и десяти шагов, как из-за угла вырвался огромный мужчина — один из самых агрессивных пациентов. Его глаза горели безумием, кулаки сжимались. Он схватил медсестру за волосы, отшвырнул в сторону, а затем резко развернулся к Агате.

— Ну что, малышка, — прорычал он, протягивая к ней огромные руки, — поиграем?

Агата вскрикнула, выронила плюшевого зайчика и бросилась бежать. Её маленькие ножки едва успевали за паническим ритмом сердца. Она металась по коридорам, слыша за спиной топот, крики, звон разбитого стекла. И вдруг перед ней возник ещё один кошмар — психопат с блестящим скальпелем в руке. Его лицо исказила ехидная улыбка.

— Иди сюда, малышка, — протянул он, медленно приближаясь. — Поиграем в клубничку. Я покажу тебе, как это делается...

Агата замерла, глаза наполнились слезами. Она прижала к груди зайчика, будто он мог защитить её. Но в этот момент мужчина внезапно остановился. Его улыбка исчезла, лицо исказилось страхом. Он отступил на шаг, затем ещё, а потом развернулся и бросился прочь, словно увидел нечто куда более ужасное, чем сам был.

Агата не понимала, что произошло. Она медленно обернулась. Перед ней стоял Блэк Уайт. Его фигура казалась огромной в полумраке коридора, жёлтые глаза холодно сверкали, а лицо было лишено любых эмоций — только ледяная

реши́мость. Он медленно опу́стился на корточки, чтобы быть на уровне девочки.

— Детям не место здесь, — произнёс он ровным, почти безжизненным голосом.

Агата всхлипнула, прижимая к себе зайчика.

— Я хочу к папе... — прошептала она, едва сдерживая рыдания.

Блэк протянул руку — не резко, не угрожающе, а почти осторожно.

— Я тебя не трону, — сказал он. — Я помогу найти твоего папу.

Он поднял её на руки, прижал к себе, прикрывая её глаза широкой ладонью, чтобы она не видела того кошмара, что творился вокруг. Они двинулись сквозь хаос.

Пациенты, только что бесновавшиеся, разбегались при виде Блэка. Даже самые кровожадные из них — те, кто только что нападал на санитаров, ломал мебель, кричал от ярости — теперь отступали, прятались в углах, словно почувствовав нечто древнее, первобытное, что таилось в нём. Для них Блэк Уайт был не просто опасным человеком — он был воплощением ужаса, тем, кого боялись даже безумцы. Санитары, пытаясь восстановить порядок, бросали на него взгляды, полные смеси страха и надежды. Они не осмеливались остановить его, но и не мешали — ведь он шёл к выходу, унося ребёнка, а это было сейчас важнее всего.

Михайлов, услышав сирену, бросился искать дочь. Он ме-

тался по коридорам, выкрикивая её имя, сердце колотилось в груди так, что казалось, готово было вырваться наружу.

— Агата! Агата!

Но ответа не было. Лишь крики, грохот, звон стекла. А Блэк Уайт продолжал идти. Он пробирался сквозь толпу обезумевших пациентов, сквозь хаос, сквозь страх. Его шаги были размеренными, уверенными, будто он не замечал ничего вокруг. Он знал: сейчас главное — вывести девочку в безопасное место. И он шёл, прикрывая её глаза, чтобы она не видела, как мир вокруг превращается в ад.

Блэк Уайт почти достиг выхода из лечебницы. В руках он по-прежнему держал Агату, прикрывая её глаза от кровавого хаоса, царившего вокруг. Девочка тихо всхлипывала, вцепившись в его одежду, но не сопротивлялась — страх придал ей покорности. Но у самых дверей он замер. Перед выходом, прямо на пороге, стояла женщина в испачканном кровью медицинском халате. Её тёмные волосы были растрёпаны, лицо и руки — в алых разводах. Она только что закончила наносить удары — резкие, точные — санитару, который теперь лежал у её ног без движения. Нож в её руке блестел от свежей крови. Она медленно повернулась к Блэку.

— Анжелика... — произнёс он тихо, без удивления, но с холодной настороженностью.

Это была та самая медсестра, которая год назад помогла ему сбежать из изолятора. И вот она стояла перед ним — вся в крови, с безумной, но странно радостной улыбкой.

— Так это ты устроила этот хаос? — его голос звучал ровно, почти равнодушно, но пальцы крепче сжали Агату.

Анжелика рассмеялась — звонко, почти весело, будто они встретились на светском приёме.

— Ну да, — она провела рукой по окровавленному халату, будто стряхивая пыль. — Ради тебя. Чтобы ты освободился. Ты единственный мужчина, которого мне не хочется убить... а хочется только трахать и ублажать.

Блэк даже не дрогнул.

— Выбирай выражения, — холодно оборвал он. — Ребёнок на моих руках.

Улыбка Анжелики стала ещё шире, ещё страшнее. Её глаза блестели нездоровым восторгом.

— Дай мне малышку, — протянула она руку, медленно приближаясь. — Я поиграю.

Блэк не ответил сразу. Он смотрел на неё так, как смотрят на опасное животное, готовое броситься в любой момент. Затем произнёс:

— Если ты тронешь девочку, я вырву твои лёгкие через задницу.

Анжелика снова рассмеялась. Её смех эхом разнёсся по коридору. Она подняла нож, провела пальцем по лезвию, облизнула губы.

— Ну тогда извини, милый... — её голос стал тише, почти шёпотом. — Я не люблю отказы.

Она сделала шаг вперёд, затем ещё один, медленно, слов-

но хищник, играющий с добычей. Блэк начал отступать, прижимая Агату к себе. Его взгляд метнулся к выходу — до свободы оставалось несколько шагов. И вот, когда Анжелика уже приготовилась броситься на него, сбоку, словно тень, метнулась фигура. Пчёлка. С диким, почти звериным рыком она врзалась в Анжелику, сбивая её с ног. Нож вылетел из руки медсестры, зазвенел по полу. Две женщины сцепились в яростной схватке — одна в окровавленном халате, другая в потрёпанной больничной одежде. Они катались по полу, царапались, рычали, словно две дикие кошки.

Блэк не стал ждать. Он рванул к выходу, толкнул тяжёлую дверь и оказался на улице. Холодный ветер ударил в лицо, но он не замедлил шага. Опустившись на колени, он поставил Агату на землю.

— Иди туда, — он указал на полицейскую машину, маячившую вдалеке. — Попроси о помощи.

Девочка обернулась, посмотрела на него широко раскрытыми глазами.

— А ты?..

Но когда она снова повернула голову, Блэка уже не было. Только ветер шелестел листьями, да где-то вдали слышались крики и вой сирен. Агата бежала к полицейской машине, сжимая в руке плюшевого зайчика. Её маленькие ножки то и дело спотыкались о трещины в асфальте, но она не останавливалась. В голове стучала одна мысль: «Папа... папа...»

У машины стояли двое полицейских — один разговари-

вал по рации, второй оглядывал территорию. Когда девочка подбежала, запыхавшись, они резко обернулись.

— Папа... — всхлипнула Агата, протягивая руки. — Мне надо к папе...

Полицейский, что был ближе, присел перед ней на корточки.

— Тише, малышка. Что случилось? Где твой папа?

— В больнице... там... там всё сломалось... — она задыхалась от слёз, но старалась говорить чётко. — Люди... они бегали... и кричали... а потом... потом...

Она не успела договорить. Второй полицейский уже говорил в рацию:

— Код «Красный-три». Повторяю: код «Красный-три». Сбой системы безопасности в Брунхейте, массовое освобождение пациентов. Требуется подкрепление.

А в глубине лечебницы разворачивалась иная сцена. Анжелика и Эля — Пчёлка — сцепились в яростной схватке. Они катались по полу, хватали друг друга за волосы, царапались, рычали, словно две дикие кошки, делящие территорию.

— Отпусти, тварь! — прошипела Анжелика, вцепившись в плечо Эли.

— Только когда сдохнешь! — выдохнула Эля, пытаясь ударить её головой.

Но Анжелика оказалась быстрее. В какой-то момент её рука метнулась к поясу — и в ладони блеснул нож. Эля не успе-

ла среагировать. Лезвие вонзилось в её живот. Обе замерли. Эля медленно опустила взгляд. Кровь уже растекалась по её одежде, тёплая, липкая. Она подняла руку — дрожащую, окровавленную — и уставилась на неё, будто не понимая, что это её кровь. Анжелика усмехнулась. Её лицо, и без того испачканное кровью, теперь казалось маской безумия. Она медленно вытащила нож, с тихим, отвратительным звуком.

— Прости, милая, — проговорила она с притворной грустью. — Но ты сама запросилась.

Развернувшись, она бросилась прочь, оставив Элю стоять — ровно, почти неестественно. Несколько секунд Эля ещё держалась. Потом колени подогнулись. Она упала на пол, глядя вверх, в мерцающий свет аварийных ламп. В глазах всё мутнело, звуки отдалялись, превращаясь в глухой гул. Последнее, что она увидела, — размытые силуэты санитаров, вбегающих в коридор. А затем закрыла глаза.

Полицейские отряды ворвались в Брунхейт. Они действовали быстро, чётко: одни блокировали коридоры, другие загоняли пациентов обратно в палаты, третьи оказывали помощь раненым сотрудникам.

Михайлов метался по зданию, выкрикивая имя дочери. Его лицо было бледным, глаза — дикими от страха. Он уже обыскал кабинет, игровую комнату, даже подвал — нигде. И вдруг — в конце коридора — он увидел её. Агата шла в сопровождении офицера. Она была цела, только заплаканная, испуганная, но живая.

— Папа! — закричала она, бросаясь к нему.

Он упал на колени, схватил её, прижал к себе так крепко, что она чуть не задохнулась.

— Ты в порядке... ты в порядке... — шептал он, глядя её по волосам, по лицу, проверяя, нет ли ран.

— Да, папа, — всхлипнула она. — Но там... там было страшно...

Он не стал расспрашивать. Просто обнял её снова, закрывая глаза.

Когда хаос был частично укрощён, начался подсчёт. Санитары, врачи, полицейские — все сверяли списки. Пациенты возвращались в палаты, раненым оказывали помощь, тела — тех, кто не выжил, — выносили в морг. Медсестра, бледная, с дрожащими руками, подошла к Михайлову.

— Мы... мы почти всех нашли. Но...

— Кто? — резко спросил Михайлов, всё ещё держа дочь за руку.

— Блэк Уайт. И его дочь. Пчёлка. Их нет ни в палатах, ни среди задержанных.

Михайлов нахмурился.

— Камеры?

Врач покачал головой.

— Во время сбоя все записи стёрлись. Система полностью отключилась. Мы не знаем, как это произошло.

В коридоре повисла тяжёлая тишина. Только где-то вдали

ещё слышались крики, стоны, команды полицейских. Но тут к ним подошёл, тяжело дышащий, и сказал новость:

— Не хватает ещё одного. Мальчика... с кодовым именем 101.

Все обернулись к нему.

— Что? — резко спросил Михайлов, крепче сжимая руку Агаты. — Его тоже нет?

Санитар кивнул, его голос дрогнул:

— В палате... там выломанная стена. Как будто кто-то во-
рвался и... забрал его.

В коридоре повисла тяжёлая тишина. Никто не мог понять — кто и зачем мог похитить ребёнка. Мальчика, который годами не проявлял эмоций, который казался почти неживым. Зачем он кому-то?

А далеко от лечебницы, в глубине канализационных туннелей Найтмера, шагал человек, чьё имя уже становилось легендой — Алексей. Его шаги отдавались глухим эхом в сырых бетонных коридорах. Он двигался уверенно, будто знал каждый поворот, каждую трещину в стенах. В руках он держал небольшой контейнер, запечатанный герметично, но даже сквозь металл чувствовался едкий запах — запах смерти. Сегодня он направлялся на вечеринку. Не ради развлечения. Не ради встречи с друзьями. Ради мести.

Вечеринку устраивал Калугин — крупный предприниматель, владелец химической корпорации, человек, чьи заводы годами отравляли воздух, воду, землю. Человек, который ко-

гда-то подписал приказ, превративший жизнь Алексея в ад.

— Он думал, что я мёртв, — размышлял Алексей, сжимая контейнер. — Думал, что его деньги и власть защитят его. Но он не знает, что теперь я — это яд. Я — это кислота. Я — это дыхание смерти.

Он вспомнил. Сначала — мать и отца. Их дом, объятый пламенем. Они не успели выбежать. Огонь и дым сделали своё дело. Потом — девушку. Её тело, утопленное в горячем, вязком удобрении. Он нашёл её спустя неделю, когда запах стал невыносимым. Всё его существование стало пропитано токсинами. Его кровь, его лёгкие, его кожа — всё было отравлено. Но теперь он не жертва. Теперь он — возмездие.

Он остановился у выхода из канализации, поднял голову к небу. Где-то там, над крышами, уже мерцали огни особняка Калугина. Музыка, смех, звон бокалов — всё это скоро превратится в крик.

— Ты вдохнёшь то, что течёт в моих жилах, — подумал он, открывая контейнер. — Ты почувствуешь, каково это — умирать медленно. И весь город... весь город последует за тобой.

Он достал маску, надел её и глубоко вдохнул, настраиваясь. Затем включил распылитель на перчатках и шагнул в ночь.

В Брунхейте продолжали искать ответы.

— Кто мог знать про мальчика? — повторял Михайлов, глядя на выломанную стену. — Кто знал, что он здесь? И

зачем он им?

— Возможно, кто-то из персонала, — предположила ассистентка. — Или... кто-то извне.

— Но зачем? — спросила медсестра. — Что в нём такого?

Михайлов молчал. Он думал о Филиппе — о том, как мальчик оживал рядом с Агатой, как улыбался, как начинал говорить. Может, именно это и привлекло похитителя?

— Кто-то увидел в нём потенциал, — понял он. — Кто-то решил, что он может стать нечто большим.

Внезапно дверь приоткрылась, и в проёме показался охранник — пожилой мужчина с усталыми, но внимательными глазами. Он слегка поклонился, словно извиняясь за вторжение.

— Простите, доктор... — начал он, переминаясь с ноги на ногу. — Я, конечно, не хотел вмешиваться, но... я кое-что слышал. И, возможно, это важно.

Михайлов поднял взгляд, в его глазах вспыхнул интерес.

— Говорите, — коротко бросил он, жестом приглашая охранника присесть.

Тот осторожно опустился на край стула, провёл ладонью по седым волосам, собираясь с мыслями.

— Я был на посту у западного крыла, когда начался весь этот хаос. Видел, как пациенты выбегали, как санитары пытались их остановить... Но одно я заметил особо. Одна медсестра... брюнетка, в окровавленном халате... Она убивала людей. Пациентов. Работников.

Михайлов напрягся.

— Убивала? — переспросил он, наклоняясь вперёд.

— Я видел, как она ударила одного санитаря скальпелем. Потом второго. Движения чёткие, будто она знала, что делает. Я не успел подойти — всё случилось слишком быстро. Но лицо её я запомнил.

— Вы видели её раньше? — быстро спросил Михайлов.

Охранник покачал головой.

— Нет. За многолетнюю работу умение запоминать лица не утрачено. Эта женщина, возможно, была новенькой. Или, по крайней мере, я её никогда не встречал. Но раньше я её не видел.

Михайлов резко поднялся, его стул с грохотом отодвинулся назад.

— Немедленно найдите медсестру, которая отвечает за архив кадров! — приказал он одному из ассистентов. — Пусть принесёт все папки новых сотрудников за последний месяц. Всё, что есть!

Через несколько минут в кабинет вошла молодая медсестра, держа в руках четыре тонкие папки. Она положила их на стол, слегка дрожащими руками разгладила края.

— Вот... всё, что удалось найти. Новые сотрудники за последнее время.

Михайлов быстро раскрыл первую папку.

— Зобин Роман, — прочитал он. — Мужчина. Не подходит.

Следующая папка.

— Виктория Вилина... Алла Вилина. Близняшки, блондинки. Тоже не то.

Он открыл последнюю.

— Маркина Анжелика. Брюнетка.

Он вытащил фотографию из личного дела и протянул её охраннику.

— Это она?

Охранник взял снимок, внимательно взгляделся. Его лицо стало серьёзным.

— Да, — твёрдо сказал он. — Это она. Та самая женщина.

Михайлов сжал фотографию в руке, его мысли метались.

— Где она сейчас? — спросил он у медсестры. — Её видели после инцидента?

Девушка растерянно пожала плечами.

— Я... не знаю. Я не встречала её среди персонала.

— Проверьте все выходы! — рявкнул Михайлов, обращаясь к санитарам, находившимся в кабинете. — Осмотрите каждый коридор, каждую палату! Если она ещё здесь — мы должны её найти!

По лечебнице разнеслись команды. Санитары, врачи и полицейские разбились на группы, прочёсывая здание. Они заглядывали в подсобки, проверяли вентиляционные шахты, обходили заброшенные кабинеты. Но Анжелики Маркиной нигде не было.

А Михайлов сидел за столом, изучая папку Анжелики. В

ней было немного: диплом института медицины, стандартные анкетные данные, справка о предыдущем месте работы, подпись руководителя. Ничего подозрительного. Но что-то в этих бумагах казалось ему странным.

В особняке Калугина вечер начинался как обычно — блеск огней, звон бокалов, смех гостей. Роскошные люстры отбрасывали блики на мраморные полы, официанты в безупречных костюмах разносили напитки, а в воздухе витал аромат дорогих духов и свежей выпечки. Никто не замечал тонкого, едва уловимого запаха — едкого, химического, просачивающегося сквозь вентиляцию.

Но вдруг всё изменилось. Свет мигнул, и в следующий момент зал залил зловещий зелёный оттенок, перемежаемый кроваво-красными всполохами. Гости замерли, недоумённо оглядываясь. Кто-то рассмеялся, думая, что это часть шоу, но смех оборвался, когда первые капли токсичного тумана осели на коже. Люди начали задыхаться. На лицах и руках вспыхнули волдыри — сначала маленькие, потом всё больше, больше... Они лопались, оставляя после себя разъеденную плоть, которая медленно разлагалась под действием яда. Крики наполнили зал — пронзительные, отчаянные, переходящие в хрип.

Среди этого ада шагал Алексей — Токсин. Его фигура, закутанная в защитный костюм, казалась призраком из другого мира. В руках он держал домовые гранаты, наполненные концентрированным ядом. Он бросал их с холодной расчёт-

ливостью — туда, где толпа была гуще, туда, где паника достигала апогея.

Один из охранников Калугина, закашлявшись, попытался броситься на него. Его лицо уже покрылось язвами, глаза налились кровью, но он всё ещё держался на ногах. Алексей резко развернулся, ударил его ребром ладони по шее — звук ломающихся позвонков утонул в общем хаосе.

Он снял респиратор и глубоко вдохнул. Токсины, которые убивали остальных, для него были как воздух. Его лёгкие, пропитанные токсинами, жадно впитывали яд. Он улыбнулся — почти блаженно.

— Наконец-то... — прошептал он. — Вы чувствуете это? Это моя кровь. Это моё дыхание.

В дальнем конце зала, у камина, корчился Калугин. Его дорогой костюм был разорван, лицо покрыто кровавой пеной, а из горла вырывались хрипы, перемешанные с рвотой. Он полз, цепляясь за ковёр, пытаясь добраться до двери, но силы покидали его. Алексей медленно подошёл. Его шаги звучали как удары молота. Он остановился над жертвой, глядя сверху вниз.

— Калугин... — произнёс он, и его голос эхом разнёсся по залу. — Ты помнишь меня?

Калугин поднял голову. Его глаза, залитые кровью, с трудом сфокусировались на фигуре перед ним. Он попытался что-то сказать, но вместо слов из его рта вырвался поток крови и кусков лёгких.

— Ты съёл моих родителей, — продолжил Алексей, наклоняясь ближе. — Ты утопил мою девушку в своём удобрении. Ты думал, что я мёртв. Но я — не мёртв. Я — яд. Я — кислота. Я — огонь.

Он надел респиратор, глубоко вдохнул, активируя встроенный фильтр. Затем поднял руку — на перчатке вспыхнул красный индикатор. Он нажал кнопку. В тот же миг токсичный туман, заполнявший особняк, вспыхнул. Огонь рванулся вверх, охватив стены, потолок, мебель. Взрывная волна выбила окна, осколки стекла взлетели в воздух, словно кровавые снежинки. Пламя пожирало всё: тела, одежду, мечты, надежды.

Костюм Алексея выдержал. Огонь лизнул его поверхность, но не смог прожечь. Кожа под тканью оставалась бледной, холодной, нечувствительной к жаре. Он стоял посреди бушующего пламени, наблюдая, как последние живые существа корчатся в агонии. Кто-то ещё пытался ползти, кто-то кричал, но их голоса тонули в рёве огня.

Алексей поднял голову, глядя на рушащийся потолок.

— Я — новый кошмар Найтмера, — произнёс он роботизированным голосом через маску. Его слова, холодные и чёткие, прорезали хаос. — И я только начинаю.

Он сделал шаг назад, затем ещё один. Пламя окружало его, но не касалось. Он был частью этого огня, его порождением. Затем, почти шёпотом, добавил:

— Тебе не спрятаться от меня, Марк Шик.

И с этими словами он растворился в дыму.

Часть четвёртая

«Осколки прежней жизни»

Ещё год назад, в просторных, залитых холодным светом лабораториях Научно-исследовательского института биохимии, проводил свои дни Алексей Мрякин — девятнадцатилетний юноша с горящими глазами и неукротимой жаждой познания. Его тонкие пальцы ловко управлялись с колбами и пипетками, а в голове роились формулы, гипотезы, дерзкие идеи, способные перевернуть мир. Он пришёл сюда как стажёр — но быстро доказал, что достоин большего. Уже через три месяца ему доверили собственный мини-проект, а ещё через полгода он получил первую премию института за разработку нового катализатора для синтеза пептидов.

— Алексей, ты феномен, — говорил ему профессор Вельнер, седоволосый гигант с проницательным взглядом. Он сидел за массивным столом, заваленным бумагами и образцами, и внимательно разглядывал молодого исследователя. — В твоём возрасте я и мечтать не мог о таких результатах. Твоя интуиция в работе с молекулярными структурами... поразительна.

— Спасибо, профессор, — скромно отвечал Алексей, но в глазах его горел огонь. — Я хочу пойти дальше. Хочу создать что-то, что действительно изменит жизнь людей.

Вельнер откинулся на спинку кресла, задумчиво постучал пальцами по столешнице.

— Изменить жизнь... — повторил он. — Это благородная цель. Но наука — не поле для героических порывов. Здесь нужны терпение, точность, методичность. Ты понимаешь это?

— Понимаю, — кивнул Алексей. — Но разве великие открытия не рождались из дерзких идей?

Профессор улыбнулся, в его глазах мелькнула искорка одобрения.

— Именно так. И потому я решил... — он сделал паузу, словно взвешивая слова, — продвинуть тебя в научный центр. У нас открывается новая лаборатория по исследованию биоактивных соединений. Там нужны свежие умы. Ты готов?

Алексей замер. Сердце забилося чаще. Научный центр — это не просто престиж. Это доступ к лучшему оборудованию, к уникальным реагентам, к международным базам данных. Это возможность работать с ведущими специалистами.

— Готов, — выдохнул он. — Более чем готов.

— Хорошо, — Вельнер достал из ящика стола папку, протянул её Алексею. — Здесь документы, план работ, список оборудования. Изучи. Через неделю жду от тебя развёрнутый проект исследования. Но предупреждаю: там будут жёсткие сроки, высокая ответственность. Если провалишься — потеряешь не только место, но и доверие.

— Я не подведу, — твёрдо сказал Алексей, сжимая папку.

Новость о переводе Алексея в научный центр мгновенно разлетелась по институту. Кто-то завидовал, кто-то восхищался, а кто-то скептически качал головой: «Слишком молод. Не справится».

Но Алексей не обращал внимания на слухи. Он погрузился в работу с головой. Дни превращались в ночи, он забывал про еду, про сон, про всё, кроме своих исследований. В новой лаборатории всё было иначе. Здесь царила атмосфера напряжённого поиска: учёные в белых халатах переговаривались на латыни и английском, роботы-манипуляторы смешивали реагенты, мониторы показывали трёхмерные модели молекул.

— Ну что, Мрякин, впечатлён? — усмехнулся Вельнер, заходя в лабораторию. Он наблюдал, как Алексей изучает оборудование.

— Это... потрясающе, — прошептал тот, проводя рукой над сенсорным дисплеем. — Здесь можно сделать то, что раньше казалось невозможным.

— Можно, — согласился профессор. — Но помни: возможности — это не гарантия успеха. Успех — это дисциплина.

— Я запомню, — кивнул Алексей.

Первые недели в научном центре оказались испытанием. Алексей столкнулся с тем, чего не встречал раньше: жёсткие дедлайны — отчёты нужно было сдавать каждые три дня;

сложные согласования — каждое изменение в эксперименте требовало одобрения комиссии; конкуренция — другие молодые учёные тоже рвались вперёд, и никто не собирался уступать. Однажды вечером, когда лаборатория опустела, Алексей остался один. Он смотрел на пробирки с мутным раствором, на графики, где линии то взмывали вверх, то падали вниз, и чувствовал, как внутри растёт отчаяние.

— Ничего не получается, — прошептал он. — Всё слишком сложно.

Дверь открылась. Вошёл Вельнер. Он молча подошёл, посмотрел на результаты, затем на уставшего Алексея.

— Ты думаешь, это провал? — спросил он.

— А разве нет? — горько усмехнулся Алексей. — Я уже месяц топчусь на месте.

— Нет, — твёрдо сказал профессор. — Ты думаешь, что топчешься, потому что не видишь прогресса. Но прогресс — это не всегда скачок. Иногда это медленное накопление данных. Ты собрал информацию, которая другим потребовала бы года. Это успех.

— Но где результат?

— Результат придёт, — ответил Вельнер. — Если ты не сдашься. Помнишь, почему я выбрал тебя? Потому что ты не боишься задавать вопросы. Не бойся и ошибаться. Ошибки — это ступеньки.

Алексей поднял глаза на профессора. В его взгляде была благодарность.

— Спасибо. Я продолжу.

— Вот это я и хотел услышать, — улыбнулся Вельнер. — А теперь иди домой. Отдохни. Завтра будет новый день.

На следующий день Алексей пришёл в лабораторию с новым планом. Он изменил подход к эксперименту, учёл все предыдущие ошибки, добавил новые переменные. И впервые за долгое время увидел то, ради чего работал. На мониторе появилась стабильная структура молекулы. Она была не идеальной, но... перспективной.

— Получилось, — прошептал он, не веря своим глазам. — Наконец-то получилось.

Он тут же отправил результаты Вельнеру. Через пять минут профессор уже стоял в дверях лаборатории.

— Молодец, — сказал он, глядя на экран. — Теперь мы знаем, куда двигаться дальше.

Его родители — Антон и Яна — гордились сыном. Каждый вечер, ровно в 21:00, раздавался звонок — мама или папа, иногда по очереди, а иногда и вдвоём, набирали номер Алексея. Он всегда ждал этих звонков — в хаосе пробирок, формул и бесконечных экспериментов они становились якорем, напоминанием о том, что есть мир за пределами лаборатории.

— Пап, ты представляешь, сегодня мы получили кристаллическую структуру нового соединения! — кричал он в трубку, едва успев ответить. Его голос звенел от возбуждения, а на столе перед ним лежали распечатки рентгенострук-

турного анализа. — Оно может стать основой для препарата против резистентных бактерий! Представляешь? Эти штаммы годами сопротивлялись всем антибиотикам, а тут...

— Сынок, это потрясающе, — голос Антона дрожал от гордости. Алексей знал: отец сейчас сидит в кресле, прижав телефон к уху, и улыбается так широко, что морщинки у глаз становятся глубже. — Но не забывай отдыхать. Здоровье важнее любых открытий. Ты же не железный.

— Я знаю, па, — смеялся Алексей, проводя рукой по взъерошенным волосам. На запястье блеснули капли раствора — он опять не заметил, как задел колбу. — Но когда ещё будет такой шанс? Мы на самом деле близки к прорыву. Профессор Вельнер сказал, что наши данные отправят на международную конференцию!

— Вот это да! — в трубке послышался голос мамы. Яна всегда слушала разговоры, стоя рядом с отцом. — Алешенька, мы так за тебя рады. Только пообещай, что будешь есть нормально. Ты опять забыл про обед, да?

Алексей смущённо покосился на недоеденный бутерброд, забытый на краю стола.

— Ну... почти. Но Марья мне суп приносит, честно!

— Марья? — в голосе мамы проскользнула заинтересованность. — Это та милая девушка из лаборатории?

— Да, она ассистентка профессора Вельнера. Очень умная, — Алексей невольно улыбнулся, вспомнив её строгий взгляд поверх очков, когда она заставляла его прерваться на

перекус.

— Передавай ей привет и спасибо, — мягко сказала Яна.
— И береги себя, сынок. Мы любим тебя.

— И я вас, — прошептал он, прежде чем повесить трубку.
Марья появилась в лаборатории полгода назад — стройная, с короткими каштановыми волосами, аккуратно собранными в пучок, и умными, внимательными глазами за тонкими стёклами очков. Она двигалась тихо, но её присутствие всегда ощущалось: то она поправляет штатив микроскопа, то проверяет температуру инкубатора, то делает пометки в журнале с той сосредоточенностью, которая выдавала в ней настоящего учёного. Она быстро заметила Алексея — не только из-за его успехов (а их было немало: публикации, премии, одобрительные взгляды старших коллег), но и из-за той одержимости, что светилась в его взгляде. Он мог часами сидеть перед экраном, анализируя данные, или бормотать формулы во сне, если задремлет на диване в комнате отдыха.

Однажды ночью, когда лаборатория опустела, а в коридорах зажглись дежурные лампы, Марья застала его за микроскопом. Он даже не услышал её шагов — настолько погрузился в наблюдение.

— Ты опять здесь в полночь? — спросила она, останавливаясь в дверях. Её голос прозвучал неожиданно громко в тишине.

Алексей вздрогнул, оторвался от окуляра и улыбнулся:
— А ты?

— Я-то по долгу службы, — она вошла, скрестив руки на груди. На ней был белоснежный халат, идеально выглаженный, в отличие от его — вечно в пятнах от реактивов. — А ты? Опять не смог оторваться?

Он наконец поднял голову, посмотрел на неё. В его глазах всё ещё горел тот лихорадочный блеск, который появлялся, когда он был близок к открытию.

— У меня идея. Новая. Если получится, это будет прорыв, — он развернул к ней экран ноутбука, где мерцали трёхмерные модели молекул. — Смотри: я модифицировал структуру токсина, добавив вот эти группы. Теоретически он должен избирательно атаковать патогены, не трогая здоровые клетки.

Марья подошла ближе, склонилась над его записями. Её пальцы скользнули по строкам формул, проверяя расчёты.

— Опять токсины? — нахмурилась она. — Алексей, ты же знаешь: чем сильнее вещество, тем выше риск. Ты уже видел, что бывает, когда баланс нарушается.

— Но и польза может быть колоссальной! — горячо возразил он, подаваясь вперёд. — Представь: лекарство, которое убивает раковые клетки, но не трогает здоровые. Или антибиотик, который справится с любой инфекцией. Мы на пороге...

— На пороге чего? — тихо спросила она, глядя ему прямо в глаза. — На пороге катастрофы?

Он замолчал, глядя на неё. В её глазах была тревога — не

за проект, не за репутацию лаборатории, а за него. За то, что он снова перешагивает черту, за которой кончается наука и начинается безумие.

— Марья, — мягко сказал он, беря её за руку. Его пальцы были холодными от долгого сидения у микроскопа, но в прикосновении чувствовалась теплота. — Я всё контролирую. Честно. Это не безрассудство. Это... страсть.

Она вздохнула, но улыбнулась. Её ладонь на мгновение сжала его пальцы, прежде чем отстраниться.

— Ладно. Но если ты снова забудешь поесть, я сама принесу тебе суп. И не просто суп, а с гренками и зеленью. Чтобы точно не отвертелся.

— Договорились, — рассмеялся он. — Хотя, если честно, твой суп — единственное, что спасает меня от голодной смерти в этих стенах.

— Вот и хорошо, — она поправила очки, снова становясь строгой ассистенткой. — А теперь выключи микроскоп. Я проверила: твои образцы и так простоят до утра. Пойдём, я провожу тебя до выхода.

Он хотел возразить, но увидел её непреклонный взгляд и сдался.

— Ладно, — вздохнул он, выключая оборудование. — Только если ты обещаешь завтра принести тот самый суп с гренками.

— Обещаю, — улыбнулась она. — Но только если ты обещаешь не возвращаться сюда до рассвета.

Они вышли в ночной коридор, оставляя позади мерцание приборов и запах реактивов. Где-то вдали гудел вентиляционный люк, а за окнами сияли огни города — равнодушного, но такого живого.

Его эксперименты шли днём и ночью — порой Алексей терял счёт времени, забывая, утро сейчас или вечер. Лаборатория стала его вторым домом: здесь пахло спиртом и реактивами, мерцали экраны мониторов, а на столах громоздились пробирки, колбы и стопки распечаток с результатами тестов. Он работал с токсинами — с теми самыми веществами, которые в малых дозах могли стать лекарством, а в чуть больших — убийцей. Его цель была дерзкой: найти ту тончайшую грань, где яд превращается в спасение. Он синтезировал соединения, менял молекулярные структуры, добавлял и убирал функциональные группы, словно собирал и разбирал хрупкий механизм. Каждый новый образец он тестирует на культурах клеток — сначала на бактериальных, потом на человеческих. Сначала — надежда. Вот это соединение почти идеально: оно уничтожает патогены, почти не трогая здоровые клетки. Но следующий тест рушил всё: вещество оказывалось слишком агрессивным, разрушало мембраны, вызывало некроз.

— Почему? — шептал он, глядя на пробирки с мутным раствором. Пальцы сжимались в кулаки, а в груди разрасталась досада. — Почему нельзя найти баланс?

Он перечитывал записи, сравнивал графики, искал зако-

номерность. Иногда ему казалось, что ответ уже рядом — стоит лишь чуть изменить структуру, добавить один атом, переставить связь...

Однажды он решился. Втайне от всех — от профессора Вельнера, от Марьи, даже от дежурного лаборанта — он ввёл себе микродозу нового соединения. Это было безумием, но он не мог иначе. Вещество показало удивительные результаты на мышах: опухоли рассасывались, инфекции отступали. Алексей хотел почувствовать, понять, как оно работает изнутри. Сначала — лёгкое головокружение. Он записал это в блокнот, отметив время. Пульс — чуть учащён, давление в норме. Потом — прилив сил. Мозг работал с небывалой ясностью: формулы складывались в голове, словно сами собой, решения приходили мгновенно. Он улыбался, глядя на строки кода, которые раньше казались запутанными. Всё было... идеально. Но через шесть часов всё изменилось. Температура подскочила. Кожа покрылась зудящей сыпью, которая быстро превратилась в волдыри. Дыхание стало прерывистым, в груди жгло, будто туда налили кислоты. Он едва успел набрать «112» — пальцы скользили по экрану, перед глазами плыло.

В больнице он лежал под капельницами, глядя в белый потолок. Свет резал глаза, но он не мог их закрыть — боялся, что если уснёт, то уже не проснётся. Рядом рыдала Марья. Её пальцы сжимали его ладонь так крепко, что было больно, но он не отстранялся.

— Зачем?! — кричала она, голос дрожал от ярости и страха. — Ты же мог умереть! Ты понимал это?!

Он попытался улыбнуться. Губы потрескались, каждое слово давалось с трудом.

— Но не умер, — прошептал он. — И теперь я знаю: формула почти идеальна. Нужно лишь чуть изменить структуру...

Она всхлипнула, уткнулась лицом в его плечо.

— Ты сумасшедший, — прошептала она, сжимая его руку. — Но я люблю тебя.

Профессор Вельнер прибыл в больницу через час. Его лицо было мрачным, а в глазах пылал гнев, который Алексей редко видел.

— Это безответственно! — грохотал он в своём кабинете, куда вызвал Алексея после выписки. Кабинет профессора был строгим: книжные полки с трудами по биохимии, портреты учёных на стенах, стол, заваленный документами. — Ты мог не просто умереть — ты мог стать инвалидом! Ты думал о родителях? О Марье?

Алексей стоял перед ним, бледный, но с упрямым блеском в глазах.

— Думал, — тихо ответил он. — Но если бы это сработало...

— «Если бы»! — перебил профессор, ударив ладонью по столу. — Наука не терпит авантюризма. Ты должен следовать протоколам, правилам! Ты не один в этом мире!

Алексей сжал кулаки, но голос его оставался твёрдым.

— Правила созданы, чтобы их нарушать, — сказал он. — Иначе не будет прогресса.

Вельнер сел, устало потёр переносицу. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на воспоминание.

— Ты напоминаешь мне меня в молодости. И это пугает. Потому что я тоже когда-то верил, что могу всё. А потом потерял друга из-за своей самонадеянности.

Алексей молчал. Он не знал, что сказать.

— Хорошо, — вздохнул профессор, поднимая глаза. — Я не буду отстранять тебя. Но отныне все эксперименты — только под моим контролем. И никаких самостоятельных испытаний на себе. Понял?

— Понял, — кивнул Алексей. — Спасибо.

Вечером он уже вышел из больницы. Воздух был прохладным, пахло дождём. Где-то вдали гремел трамвай, а в окнах соседних зданий загорались огни. Марья ждала его у входа. Она стояла, скрестив руки, но в её взгляде не было гнева — только тревога и усталость.

— Ну что? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Живой, — улыбнулся он. — И даже не уволенный.

Она шагнула к нему, обняла так крепко, будто боялась, что он исчезнет.

— Обещай, что больше так не будешь.

Он вздохнул, провёл рукой по её волосам.

— Не могу, — честно ответил он. — Потому что знаю: я

на верном пути.

Она посмотрела на него долгим взглядом — в нём была и любовь, и отчаяние, и смирение. Потом кивнула.

— Тогда я буду рядом. Чтобы ты не забыл, что ты — не лаборатория. Ты — человек.

Они пошли домой, держась за руки. Улицы уже окутывала мягкая сумеречная дымка, фонари разливали тёплый желтоватый свет, а где-то вдали мерцали огни витрин и рекламных вывесок. Марья прижималась к Алексею нежно, почти невесомо, словно боялась нарушить хрупкое равновесие этого момента. Её плечо едва касалось его руки, но в этом прикосновении было столько тепла, что Алексею казалось — он чувствует её пульс через ткань одежды. Он обхватывал её ладонь своей, слегка сжимая пальцы, будто хотел убедиться: она рядом, она настоящая. В голове всё ещё крутились формулы, мысли о новых экспериментах, но здесь, в этом тихом вечернем мире, всё это отступало на второй план. Оставались только её дыхание, её взгляд, её присутствие.

— Ты замёрзла? — тихо спросил он, заметив, как она слегка вздрогнула от порыва ветра.

— Нет, — улыбнулась она, не отрывая взгляда от дороги. — Просто ветер... Но мне хорошо. С тобой.

Он кивнул, не находя слов. Иногда молчание было важнее фраз. Они шли не спеша, наслаждаясь редким моментом покоя. Вдруг Марья резко ускорила шаг, затем побежала вперёд, смеясь.

— Эй! — воскликнул Алексей, бросаясь за ней. — Это что ещё за гонка?

— А ты догони! — крикнула она, оборачиваясь. Её волосы развевались на ветру, глаза блестели.

Он рванул следом, чувствуя, как в груди поднимается волна лёгкости, почти детской радости. Они бежали по тротуару, мимо скамеек, кустов, фонарей, смеясь так, что лёгкие горели от воздуха и смеха.

— Я тебя поймаю! — кричал он, пытаясь сократить расстояние.

— Не поймаешь! — отвечала она, ускоряясь.

Но вот уже подъезд её дома — они одновременно добежали до двери, остановились, тяжело дыша, но продолжая улыбаться. Их глаза встретились, и в этом взгляде было столько тепла, столько невысказанных слов, что оба замерли на мгновение. Алексей протянул руку и осторожно поправил прядь её волос, выбившуюся из причёски во время бега. Его пальцы скользнули по её щеке, и она прикрыла глаза, наслаждаясь этим прикосновением.

— Ты красивая, — прошептал он.

Она не ответила — просто потянулась к нему, и их губы встретились в медленном, нежном поцелуе. В нём было всё: тревога за него, радость, что он жив, надежда на будущее и та безмолвная клятва, которую не нужно произносить вслух. Они так и вошли в квартиру — не размыкая объятий, не разрывая поцелуя. Дверь захлопнулась за ними, отрезая шум

улицы, оставляя только их двоих в тёплом полумраке прихожей. Оторвавшись друг от друга, они всё ещё стояли близко, смотрели в глаза, словно пытались прочесть мысли. Алексей провёл ладонью по её плечу, а она подняла руку, коснулась его лица — осторожно, будто проверяя, настоящий ли он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.